18+

Джек и Джилл

Хозяин замка

книга первая

Брагина Евгения

Евгения Брагина

Джек и Джилл. Хозяин замка. Книга 1

«Издательские решения»

Брагина Е.

Джек и Джилл. Хозяин замка. Книга 1 / Е. Брагина — «Издательские решения»,

Их продали за бутылку вина. Их вырастили как плату. Их научили любить, а потом оставили.Джек и Джилл — брат и сестра, огонь и лёд, связанные договором с тем, кого лучше не звать. Их дорога ведёт к замку на холме, где в единственном окне всегда горит свет, а хозяин давно знает их имена.Тёмная сказка о любви, ставшей сделкой, и о цене, которую придётся заплатить, чтобы остаться вместе.

© Брагина Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало 6
Глава 2. Элиза 30
Глава 3. Предательство 46
Глава 4. Культ Змеи 57
Незваные гости 57
Пробуждение Древнего Змея 68
ЛЕС ЗАБЫТЫХ ИМЁН 74
Глава 5. Лес Забытых Имён 75
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Джек и Джилл
Хозяин замка. Книга 1

Евгения Брагина

© Евгения Брагина, 2026

ISBN 978-5-0071-7458-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-7459-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало

Жил-был один город, и стоял он на реке, на двух берегах сразу, как человек, который никак не может решить, куда ему идти.

На высоком берегу был верхний город. Там к вечеру зажигали окна, и в каждом окне горело по три, по четыре свечи, так что улица до самой площади была светлой, как в праздник. По ней не спеша гуляли люди в хороших плащах, у дам на шляпках таял мокрый снег, у дверей трактира кто-то смеялся, и из трактира пахло жареным луком и пивом. Свечам в верхнем городе жилось хорошо. Их зажигали к ужину, гасили к ночи, и они успевали наслушаться столько застольных разговоров, что считали себя очень образованными.

А внизу, у самой воды, там, где мостовая кончалась и начиналась просто грязь, свечей не жгли вовсе. Свечи стоили денег. Дома здесь лепились друг к другу кое-как, крыши были залатаны досками и соломой, и между стенами гулял ветер с реки. Ветер этот был злой и бездомный. Он забирался под двери, свистел в щелях и выдувал из лачуг последнее тепло, потому что ему самому было холодно и он не знал, куда себя деть.

В одной такой лачуге жили брат и сестра. Мальчика звали Джек, девочку Джилл. Родились они в один день, с разницей в несколько минут, и Джек всегда говорил, что он старший.

— На целых пять минут, — говорил он и поднимал вверх растопыренную ладонь.

— Может, на три, — говорила Джилл. — Мама не помнит.

— На пять. Я первый закричал.

Джилл не спорила. Ей было всё равно, кто из них старший, лишь бы он был рядом.

Над очагом у них висел портрет отца. Отец был нарисован в солдатском мундире, с прямой спиной и очень серьёзным лицом, будто его только что спросили о чём-то важном, а он ещё не придумал ответа. Дети знали его только таким. Живым они его почти не помнили. Помнили большие руки, которые подбрасывали их к потолку, и смех, от которого тряслась вся лачуга. Больше ничего.

Отец ушёл на войну, когда им было шесть лет. С войны он не вернулся. Осенью пришла бумага с печатью, и мать долго держала её в руках, всё перечитывала, хотя читать почти не умела. Потом положила бумагу на стол и достала из-под лавки бутылку.

С того дня мать пила.

Сначала понемногу, по вечерам, когда дети уже спали. Потом с утра. Потом перестала разбирать, утро сейчас или вечер. Через год в доме не осталось ничего, что можно было продать. Ушли подсвечник и медный таз, ушло мамино праздничное платье, ушла отцовская шинель. Остался только портрет. Его никто не купил бы, да мать и не пыталась.

Так дети стали кормиться сами.

* * *

Каждое утро, ещё затемно, они уходили из дома. Джилл вставала первая и будила брата, а он ворчал и натягивал на голову мешковину, которой они укрывались.

— Джек. Джек, вставай. Уже петухи.

— Петухи дураки. Им лишь бы орать.

— Если опоздаем, на рынке всё подберут.

Тогда он вставал. Они шли на рынок и заглядывали под прилавки, где иногда находилась подмёрзшая репа или обломок лепёшки. Стояли у задних дверей трактиров и ждали, не вынесут ли объедки. Чаще не выносили. Иногда их гнали палкой.

— Я бы на его месте тоже гнал, — сказал как-то Джек, потирая плечо. — Мы ж воняем.

— Это не мы, — сказала Джилл. — Это ты. Я вчера умывалась.

— В луже.

— Всё равно умывалась.

Если везло, их брали работать на скотный двор за рекой. Хозяин там был толстый, красный и сердитый, но платил. Джек таскал вёдра с водой и чистил стойла. Джилл носила сено и выгребала навоз из-под телят, хотя вилы были выше её ростом, и она держала их, как солдат держит знамя.

— Смотри, — говорила она брату, — я как папа на портрете.

— Папа не навоз кидал.

— А может, и кидал. Ты же не знаешь.

Джек не знал. Он вообще очень мало знал про отца и иногда придумывал. Что отец был капитаном. Что у него была лошадь. Что на войне он один победил целый полк. Джилл слушала и верила, а потом сама начинала придумывать, и они придумывали вместе, пока таскали вёдра, и так было легче.

Работали до темноты. Хозяин расплачивался медными грошами, а иногда, если был в духе, давал ещё узелок: краюху хлеба и кусок сала, завёрнутые в тряпицу.

Вечером они шли домой по грязи. Джек нёс узелок, прижимая к груди, как сокровище. Джилл сжимала в кулаке гроши. Гроши были тёплые от её руки и пахли железом.

— Как думаешь, — спрашивала она, — если мама не будет пить, она снова станет петь?

— Не знаю.

— А помнишь, как она пела про утку и лису?

— Не помню.

— А я помню.

Мать ждала их у двери. Она забирала деньги, не глядя на детей, накидывала платок и уходила. Возвращалась с бутылкой. Бутылка была тёмная, пузатая, и стояла потом на столе, как хозяйка. Если бы бутылки умели говорить, эта, наверное, сказала бы, что в доме ей рады больше, чем детям. И была бы права.

А хлеб и сало дети делили у очага на двоих. Джек всегда отламывал сестре кусок побольше.

— У тебя больше, — говорила Джилл.

— Нет, у тебя.

— Ты специально.

— Я старший. Мне положено меньше.

— Так не бывает.

— Бывает. Это закон такой. Старшим всегда меньше.

Джилл делала вид, что верит. И съедала свой кусок медленно, чтобы на дольше хватило.

Так проходило их детство. Изо дня в день, зиму за зимой. Если спросить у ветра с реки, он сказал бы, что ничего особенного в этом нет: на нижнем берегу так жили многие. Но ветер был не очень добрым и думал только о себе.

* * *

Когда им исполнилось одиннадцать лет, в дверь постучали.

Был вечер. Очаг почти прогорел. Мать сидела за столом под портретом. Перед ней стояла пустая бутылка, и мать смотрела на неё так долго, будто ждала, что вино появится в ней само. Джилл придвинулась к брату и положила голову ему на плечо.

— Джек, — шепнула она. — А если завтра хозяин нас не возьмёт?

— Возьмёт.

— А если не возьмёт?

— Тогда пойдём на пристань. Там рыбу чистят. Будем чистить рыбу.

— Я рыбу не люблю. Она смотрит.

— Она дохлая. Как она может смотреть?

— Всё равно смотрит.

Угли тихо потрескивали.

В дверь постучали.

Мать не встала. Постучали ещё раз, и тогда дверь открылась сама, со скрипом, и в лачугу вместе с холодом вошла старуха.

Она была маленькая, сгорбленная, в тёмном платке. В одной руке у неё горела свеча, и пламя даже не дрогнуло на сквозняке. Джек это заметил и запомнил, хотя тогда ещё не понимал, что в этом странного. В другой руке у неё была корзина, накрытая чистым полотенцем.

— Ох, какие худенькие, — сказала старуха ласково и покачала головой. — Ну ничего. Сейчас покушаете.

Она сняла полотенце, и по лачуге поплыл запах, от которого у Джека закружилась голова. Тёплый хлеб, ещё мягкий. Пирог с мясом. Круг сыра, горшочек мёда, печёные яблоки. Старуха выкладывала всё на стол, прямо перед детьми, и улыбалась.

Такой еды они не видели никогда. Даже в окнах верхнего города.

— Это нам? — спросила Джилл шёпотом.

— Вам, детка, вам. Кому же ещё.

Джилл смотрела на пирог и не решалась протянуть руку, пока старуха сама не отломила ей кусок. Джек ел жадно, обжигаясь, и не мог остановиться. Мёд тёк у него по пальцам, он облизывал их и снова тянулся к сыру. А потом поднял глаза и встретился со старухой взглядом.

Лицо у неё было доброе. Морщинистое, румяное, с ямочками на щеках, как у бабушки из сказки, которая печёт пироги и вяжет внукам носки. Оно улыбалось. А глаза нет.

Глаза были бутылочного цвета. Мутно-зелёные, стеклянные и холодные, как у куклы в витрине верхнего города. И смотрели они не на детей, а будто сквозь них. Так смотрят на мешок с мукой, прикидывая, сколько он весит.

Джек перестал жевать.

Старуха повернулась к столу и поставила перед матерью бутылку вина. Тёмное стекло, сургуч на горлышке.

Мать не задумалась ни на миг. Она схватила бутылку обеими руками, прижала к себе, как прижимают ребёнка, и уже ногтем сковыривала сургуч. На детей она не посмотрела.

Никто ничего не сказал. Только портрет отца смотрел со стены прямо и серьёзно. Но портреты, как известно, не могут ни сказать, ни встать, ни заступиться. Они могут только смотреть. Это самое горькое, что есть на свете: всё видеть и ничего не мочь.

Старуха повернулась к очагу и протянула детям обе руки. Пальцы у неё были сухие и длинные, с жёлтыми ногтями.

— Пойдёмте, мои хорошие. У меня вам будет лучше.

Джек взял сестру за руку и сжал так сильно, что Джилл поморщилась. Он ждал, что мать что-нибудь скажет. Хоть слово. Хоть «прощайте». Хоть «не ходите».

— Мам, — сказала Джилл.

Мать сидела, обхватив бутылку ладонями, и не подняла головы. Она не поднялась из-за стола и тогда, когда старуха выводила их за порог.

* * *

За порогом старуха перестала улыбаться.

Это случилось сразу, как только за ними закрылась дверь лачуги. Джек шёл рядом и видел: ямочки на щеках разгладились, румянец сошёл, рот сжался в тонкую сухую черту. Лицо стало другим, будто доброе было надето поверх, как платок, и теперь его сняли и спрятали в карман до следующего раза. Корзину с остатками еды она оставила у матери на столе. Больше она про еду не заговаривала. Ни «покушаете», ни «худенькие». Она вообще больше ничего не говорила.

— Бабушка, — позвала Джилл. — А далеко идти?

Старуха не обернулась.

— Бабушка, а у вас есть корова?

Молчание.

— Не спрашивай её, — шепнул Джек.

— Почему?

— Не знаю. Не спрашивай.

Город кончился быстро. За последними лачугами начиналась дорога, за дорогой поле, а за полем стоял лес. Чёрный, сплошной, без просвета, как стена. Старуха вошла в него, не замедляя шага, и дети пошли за ней, потому что свеча в её руке была единственным светом на много вёрст вокруг. А идти назад, в лачугу, где мать сковыривала сургуч, было некуда. Это они оба понимали, хоть и не говорили вслух.

Шли три дня и три ночи.

Тропа была такая узкая, что приходилось идти друг за другом. Старуха впереди, за ней Джилл, последним Джек. Он сам так решил.

— Иди за ней, — сказал он сестре. — А я сзади.

— Почему ты сзади?

— Потому что я старший. Старшие всегда сзади.

— Ты говорил, старшим положено меньше.

— И сзади тоже.

Он не сказал ей главного: если что-нибудь нападёт со спины, пусть уж лучше достанется ему. А сзади что-то шло. Он был в этом уверен с первой ночи.

* * *

Лес был старый. Такой старый, что, наверное, помнил времена, когда никакого города на реке ещё не было. Ели стояли так густо, что днём под ними было как в сумерках, а ночью совсем ничего не было видно, кроме свечи. Ветви сходились над тропой, и Джеку казалось, что они сходятся нарочно, у них за спиной, чтобы закрыть дорогу назад. Он оборачивался. Тропы позади и правда не было. Только стволы.

— Джилл, — шепнул он. — Ты помнишь, откуда мы пришли?

— Оттуда.

— Откуда?

Джилл обернулась, посмотрела и ничего не ответила.

В лесу не пели птицы. Ни одной, за все три дня. Не стрекотали кузнечики, не шуршали мыши в хвое. Было слышно только шаги, свои и старухины, и как скрипят деревья, хотя ветра не было. Деревья скрипели медленно и протяжно, будто переговаривались над головами. И если бы кто-нибудь умел понимать язык старых елей, он узнал бы, что говорили они о детях. Что вот, ещё двое. Что жаль. Что ничего не поделаешь. Ели в этом лесу видели много детей, которые шли за свечой, и ни одного, который вернулся бы обратно.

Свеча бросала свет на несколько шагов вокруг, и в этом свете шевелились тени. Тени стволов, тени корней, тени еловых лап. Они должны были лежать смирно, как всякие порядочные тени. Но они двигались. Сначала Джек думал, что это пламя качается. Потом заметил, что пламя не качается никогда, а тени всё равно ползут: вытягиваются вдоль тропы, тянутся к ногам, отдёргиваются, когда он на них смотрит.

Одна тень долго шла рядом с ним, по левую руку, между стволами. Высокая, тонкая, выше любого человека. Когда Джек остановился, она остановилась тоже. Когда он пошёл, пошла и она.

Он ничего не сказал сестре. Но Джилл тоже видела. Он понял это по тому, как она шла: не глядя по сторонам, только себе под ноги, на пятки старухи. Губы у неё всё время шевелились.

— Ты что бормочешь? — спросил он.

— Шаги считаю.

— Зачем?

— Чтобы не думать. Сто сорок два. Сто сорок три.

— А до скольки ты умеешь?

— До тысячи. Потом снова.

* * *

Ночью было хуже всего.

Старуха останавливалась, когда хотела, всегда в одно и то же время, хотя солнца не было видно. Ставила свечу на корень и садилась рядом, прямая, неподвижная, как пень. Не ела. Не спала. Джек ни разу не видел, чтобы она закрыла глаза. Дети ложились на землю под еловыми лапами, прижимались друг к другу и долго не могли уснуть от холода и страха.

— Джек, — шептала Джилл. — А мама нас ищет?

Джек молчал.

— Как думаешь, она уже выпила ту бутылку?

— Наверное.

— А потом? Когда кончится? Она пойдёт нас искать?

— Спи.

— Не могу.

— Тогда считай.

— Я уже до тысячи три раза досчитала.

Из темноты за кругом света на них смотрели. Джек чувствовал это кожей, затылком, спиной, как чувствуют чужой взгляд в толпе на рынке. Иногда в черноте между деревьями загорались две точки, бледные, далеко друг от друга, слишком далеко для обычных глаз. Горели и гасли. Иногда хрустели ветки: тяжело, неторопливо, по кругу, всё ближе. Тогда старуха поворачивала голову в ту сторону. Только голову. И хруст затихал.

Это было страшнее всего. Не то, что бродило в темноте. А то, что оно боялось старухи.

Однажды ночью Джилл проснулась и вцепилась брату в руку так, что ногти впились в кожу.

— Там кто-то стоит, — прошептала она. — У дерева. Он на нас смотрит.

Джек посмотрел. У дерева никого не было. Только тень, длиннее, чем должна быть.

— Никого там нет.

— Есть. Он высокий. Он без лица.

— Тебе приснилось.

— Не приснилось. Джек, мне страшно.

— Мне тоже, — сказал Джек. И сразу пожалел, потому что старшие так не говорят. — Немножко. Совсем чуть-чуть.

Он обнял сестру и закрыл ей глаза ладонью, и так они пролежали до утра. Он слушал, как стучит её сердце, и своё, и думал, что если не будет спать, то с ними ничего не случится. Он не спал. Высокая тень стояла у дерева до самого рассвета, и Джек смотрел на неё, а она, кажется, смотрела на него. И не уходила. Будто ждала чего-то. Будто знала, что ждать осталось недолго.

* * *

Еду старуха давала раз в день, молча, не глядя. Сухой хлеб, иногда горсть орехов. Бросала на землю перед ними, как бросают собакам. Про пирог и мёд не было ни слова, будто их никогда и не было.

— Она же говорила, у неё будет лучше, — сказала Джилл, грызя чёрствую корку.

— Говорила.

— Это лучше?

Джек не ответил. Он подошёл к старухе и спросил, куда они идут. Старуха не ответила. Он спросил, долго ли ещё. Она даже не обернулась.

Её молчание было тяжелее леса. В нём было что-то такое, от чего сжималось в животе. Так молчат не потому, что нечего сказать, а потому, что говорить больше незачем. Будто всё

уже решено. Так хозяин скотного двора молчал, когда вёл телёнка за верёвку. Телёнок мычал, а хозяин молчал.

К концу второго дня Джилл перестала плакать. Она просто шла, глядя под ноги, и больше не считала шаги.

— Ты чего не считаешь? — спросил Джек.

— Надоело.

— Хочешь, я буду считать?

— Не надо. Держи меня за руку. Просто держи.

Джек держал её за руку. Он сам едва переставлял ноги, но руку не отпускал.

И всё время, днём и ночью, он чувствовал одно и то же. Лес был не просто тёмный. Он был злой. Зло было в нём везде: в стволах, в земле, в тишине, в воздухе, который не пах ни хвоей, ни грибами, ничем живым. Оно не нападало. Оно ждало. И чем дальше они шли, тем ближе оно было, будто старуха вела их не через лес, а в самую его середину. Туда, где у леса, если бы он был живым, находилось бы сердце.

* * *

На третий день деревья расступились.

На поляне стояла избушка. Маленькая, покосившаяся, с крышей, поросшей мхом, с одним тёмным окошком. Она была такая крохотная, что больше походила на собачью конуру, чем на дом.

— Тут разве можно жить? — спросила Джилл.

— Тише, — сказал Джек.

Вокруг избушки из земли торчали колья, и на кольях что-то висело, белое, сухое. В сумерках было не разобрать. Джек хотел присмотреться, но ноги сами несли его к крыльцу, к двери, за которой, может быть, было тепло. Он так устал, что не хотел ничего разбирать. Иногда человек не смотрит на что-нибудь не потому, что не видит, а потому, что очень не хочет увидеть.

Старуха поднялась на крыльцо и открыла дверь.

И оттуда, из-за двери, на них дохнуло теплом.

* * *

Внутри избушка оказалась огромной.

Джек остановился на пороге и не поверил глазам. Снаружи в ней было шагов пять, не больше. А здесь перед ним была большая комната с высоким потолком из тёмных балок, и в глубине её виднелись ещё двери, и коридор, уходивший так далеко, что конец его терялся в полумраке.

— Джек, — шепнула Джилл и потянула его за рукав. — Она внутри больше, чем снаружи.

— Вижу.

— Так не бывает.

— Значит, бывает.

Джилл оглянулась на лес, потом снова посмотрела внутрь и крепче сжала руку брата.

Но в комнате было тепло. Так тепло, как не было никогда, ни разу за всю их жизнь.

В очаге горел огонь, ровный, жаркий, и над огнём в чугунном котле что-то булькало. Под потолком, на балках, висели пучки сухих трав: мята, зверобой, полынь, ромашка и ещё какие-то, которых Джек не знал. От них по комнате шёл сухой летний запах, будто посреди зимы кто-то внёс сюда луг. На полу лежали домотканые половики. На лавках подушки. А посреди комнаты стоял стол, застеленный белой скатертью, и на столе лежал хлеб.

Тёплый. Только что из печи. Корочка блестела, и от неё ещё шёл пар.

Пахло так, что у Джека закружилась голова. Хлебом. Варёной картошкой. Луком, морковью, укропом. В котле варился овощной суп, густой, золотистый. Старуха сняла его с огня,

налила в две глиняные миски и поставила на стол. И снова заулыбалась, как тогда, в лачуге. Ямочки вернулись на щёки, голос стал мягким, как подушка.

— Садитесь, садитесь, мои хорошие. Намаялись в дороге.

Они сели.

Джилл взяла ложку и долго смотрела в миску, будто боялась, что суп исчезнет, если она его тронет. Потом попробовала. И заплакала. Тихо, без звука, просто слёзы потекли сами и капали в суп, а она всё ела и ела.

— Ты чего ревёшь? — шепнул Джек.

— Вкусно, — сказала Джилл и всхлипнула. — Очень вкусно.

Джек отломил хлеба. Хлеб был мягкий, тёплый, с хрустящей корочкой, и он съел один кусок, потом второй, почти не жуя. А суп не тронул. Миска стояла перед ним, от неё поднимался пар, пахло морковью и укропом, и живот у Джека сводило от голода. Но он не брал ложку. Сам не знал почему. Будто кто-то маленький и упрямый сидел у него внутри и держал его за руку.

— Кушайте, детки, кушайте, — приговаривала старуха. — Вам надо поправляться. Ишь, какие косточки. Кушайте, свинки мои.

Свинки.

Джек жевал хлеб и думал. Мысли путались, наползали одна на другую, как щенки в корзине. Им повезло. Ведь повезло же? Дома не было ничего, кроме грязи и пустых бутылок. А здесь огонь, хлеб, тепло. Может быть, они будут тут жить. Помогать по хозяйству, собирать травы, носить воду. Он умеет носить воду. Может быть, они больше никогда не будут голодать. Никогда. Ни одного дня.

И тут же, рядом, поперёк этих мыслей: а почему она молчала три дня? Почему в лесу не пели птицы? Почему то, что бродило в темноте, боялось её? Что висит на кольях у крыльца?

Ему не нравились её глаза.

Лицо у старухи было доброе. Оно улыбалось, кивало, приговаривало. А глаза жили отдельно от лица, будто их одолжили у кого-то другого и забыли вернуть. Бутылочного цвета, мутно-зелёные, как стекло тех бутылок, что мать приносила домой, и такие же пустые. В них ничего не отражалось: ни огонь очага, ни свет, ни сами дети. И эти пустые глаза не отрывались от Джека.

На Джилл старуха почти не смотрела. Джилл ела, и это её, видно, устраивало. А Джек сидел над нетронутой миской, и старуха смотрела на него. Не мигая. Не переставая улыбаться.

— Что же ты, соколик? — спросила она ласково. — Остынет ведь. Кушай.

— Я хлеба наелся, — сказал Джек.

— Хлебом сыт не будешь. Кушай супчик.

— Я потом.

— Потом остынет.

— Я холодный люблю.

Старуха засмеялась, коротко и сухо, будто кашлянула. Глаза при этом не засмеялись.

Джек опустил взгляд в миску. Потом поднял. Старуха всё смотрела. Он отломил ещё хлеба и стал жевать, медленно, чтобы занять рот и не отвечать.

Джилл рядом зевнула. Она сидела, положив обе руки на тёплую миску, и щёки у неё порозовели впервые за много месяцев.

— Джек, — сказала она сонно. — Может, мы тут останемся? Насовсем?

— Может.

— Тут тепло. И хлеб. Я буду ей полы мести. Я хорошо мету.

— Ешь давай.

— Я уже всё съела. — Она улыбнулась ему сонной, счастливой улыбкой. — Хочешь, твой доем?

— Нет! — сказал Джек так резко, что сам испугался. И добавил тише: — Хватит тебе. Лопнешь.

Она надеялась. Он это видел. И от этого ему стало ещё страшнее.

* * *

Джилл уснула прямо за столом.

Сначала у неё отяжелели руки, и ложка выскользнула из пальцев и звякнула о миску. Потом голова начала клониться. Джилл ещё пыталась держать её, моргала, удивлённо смотрела на брата.

— Джек… Я чего-то… Голова кружится…

— Джилл?

— Я немножко посплю. Ладно? Совсем немножко.

Она медленно опустила голову на скатерть, прямо возле миски. Глаза её закрылись.

— Джилл, — позвал Джек. Потом громче: — Джилл!

Он вскочил, схватил её за плечо, затряс. Голова сестры мотнулась безвольно, как у тряпичной куклы. Она дышала. Но не просыпалась.

Джек обернулся.

Старуха больше не улыбалась. Ямочки исчезли, лицо снова стало сухим и жёстким, как в лесу. Она стояла у стола и смотрела на него своими бутылочными глазами, и теперь в них что-то было. Досада. Как у хозяйки, у которой одна из свиней не пошла в загон.

— Что вы ей дали? — крикнул Джек. — Что там было?

— Не хочешь по-хорошему, — сказала старуха. — Ну что ж.

Джек кинулся к двери. Он не успел сделать и двух шагов. Сухая рука с жёлтыми ногтями сомкнулась у него на шее сзади, и пальцы были твёрдые, как железо. Его подняли над полом, как котёнка. Он брыкался, бил ногами по воздуху, хрипел. Последнее, что он увидел, были пучки трав под потолком, которые вдруг закружились у него перед глазами, как хоровод на ярмарке. Потом его ударило обо что-то твёрдое, и стало темно.

* * *

Очнулся он от холода.

Сначала Джек не понял, открыты у него глаза или нет. Темнота была такая плотная, что не было разницы. Он лежал на чём-то мокром и твёрдом, затылок гудел, во рту был вкус крови. Он пошевелил пальцами. Камень. Холодный, скользкий, покрытый чем-то липким. Пахло сыростью, плесенью, гнилой соломой. И ещё чем-то сладковатым и тяжёлым, от чего к горлу подкатывала тошнота. Так пахло на скотном дворе за рекой в тот день, когда хозяин резал свинью.

— Джилл, — позвал он. Голос получился хриплый и тонкий. — Джилл!

Рядом кто-то шевельнулся. Джек пополз на звук, вытянув руки, и нащупал волосы, плечо, холодную щёку. Джилл лежала, свернувшись, и дышала. Он тряс её долго, пока она не застонала.

— Джилл. Джилл, проснись. Это я.

— Джек? — Голос у неё был тихий и далёкий, будто она говорила со дна колодца. — Я ничего не вижу. Джек, я ослепла?

— Нет. Тут просто темно.

— Где мы?

Джек не знал.

— Мы ещё у бабушки? — спросила Джилл.

— Она не бабушка.

— А кто?

— Не знаю. Не бабушка.

* * *

Потом глаза привыкли, и он увидел.

Откуда-то сверху, из узкой щели под самым потолком, сочился серый свет. Его было так мало, что он не освещал, а только намечал. Подвал. Низкий, сводчатый, каменный. С потолка капало, и капли падали в лужу где-то в углу, медленно, одна за другой. Кап. Кап. Кап. Они и раньше падали, просто Джек не слышал.

Между ними и остальным подвалом стояла решётка. Ржавые железные прутья от пола до потолка, толще его запястья. За решёткой был каменный проход, а в конце прохода лестница наверх, к люку. А напротив, в стене, низкая дубовая дверь, окованная железом.

Они были в клетке. Как скотина в загоне.

Джек встал, держась за стену, подошёл к решётке и потянул дверь на себя. Потом от себя. Потом ещё раз, изо всех сил, повиснув на ней всем телом. Железо лязгнуло. Дверь не шелохнулась.

— Заперто? — спросила Джилл.

— Заперто.

Джилл заплакала.

* * *

Она плакала долго. Сначала громко, навзрыд, как плачут маленькие дети, когда им очень страшно и некому их утешить.

— Мама! — кричала она в темноту. — Мама, забери нас! Мамочка!

— Не кричи.

— Мама!

— Джилл, не кричи. Она услышит.

— Кто? Мама?

— Старуха.

Джилл замолчала так резко, будто ей зажали рот. Потом заплакала снова, только тихо, в рукав.

Джек сидел рядом и молчал, потому что не знал, что сказать. Мама продала их за бутылку вина. Мама не придёт. Он не стал говорить этого вслух. Есть вещи, которые, если сказать их вслух, становятся правдой окончательно, а пока молчишь, вроде бы ещё и нет.

Потом Джилл затихла и лежала, глядя в темноту. Джек думал, что она уснула, пока она не сказала:

— Я ела суп.

— Я знаю.

— А ты не ел. Ты знал, да? Почему ты мне не сказал?

— Я не знал.

— Знал. Ты на неё так смотрел.

— Я не знал! — Джек почти крикнул. — Я просто… Мне просто не захотелось. Я не знал, что там. Если бы знал, я бы миску на пол скинул. Честное слово.

Джилл помолчала.

— Ладно, — сказала она. — Я верю.

Но легче от этого не стало. Он чувствовал, что должен был. Должен был понять. Должен был выбить у неё ложку из рук. И не успел.

* * *

Джек начал искать выход.

Он ощупал каждый камень в стене, до самого потолка, куда мог дотянуться. Камни были большие, тёсаные, плотно подогнанные друг к другу, и между ними нельзя было просунуть даже ноготь. Он стучал по ним кулаком, прикладывал ухо, слушал: вдруг где-то пусто, вдруг за каким-нибудь камнем ход.

— Что ты делаешь? — спросила Джилл.

— Ищу.

— Что?

— Подземный ход. В сказках всегда бывает подземный ход.

— В каких сказках?

— Во всяких. Папа рассказывал.

— Папа нам ничего не рассказывал. Мы его не помним.

— Ну, кто-нибудь рассказывал. Помолчи. Я слушаю.

Везде было глухо.

Он проверил решётку. Прутья были вбиты в каменный пол и в каменный потолок, и ни один не шатался. Петли двери были снаружи. Засов тоже снаружи. Джек просунул руку между прутьями до самого плеча, так что железо врезалось в подмышку, и нащупал кончиками пальцев холодный край засова. Он тянул его, толкал, царапал, пока не сорвал ноготь.

Он зашипел и отдёрнул руку.

— Что? — Джилл подползла ближе. — Что случилось?

— Ничего.

— У тебя кровь.

— Ноготь. Ерунда. Новый вырастет.

— Дай посмотрю.

— Да ерунда, говорю.

Она всё равно взяла его руку, подула на палец, как когда-то, в совсем маленьком детстве, дула им на ушибы мама. Джек даже не помнил, что мама так делала. А Джилл, оказывается, помнила.

Засов так и не сдвинулся.

Он ползал по полу. В соломе, гнилой, мокрой, что-то хрустело под коленями. Он нащупал что-то гладкое, тонкое, похожее на палочку. Поднёс к свету из щели.

Это была кость. Маленькая. Как от руки ребёнка.

Джек положил её обратно, очень осторожно, будто она могла проснуться.

— Что там? — спросила Джилл.

— Палка.

— Покажи.

— Гнилая. Рассыпалась.

Потом он нашёл на стене, у самого пола, царапины. Их было много, длинные ряды коротких чёрточек, процарапанных в камне чем-то острым. Кто-то считал дни. Ряды шли один под другим, и Джек провёл по ним пальцами и попытался сосчитать, но сбился. А в одном месте, совсем низко, кто-то нацарапал не чёрточки, а буквы. Кривые, неровные, будто писали в темноте.

— Джилл. Иди сюда. Тут написано.

Она подползла и потрогала буквы пальцами.

— Что написано?

— Я не умею читать.

— Я тоже.

Они сидели и трогали буквы в темноте, и каждый думал о том, кто их писал. И где он теперь. Но вслух этого никто не сказал.

— Может, там написано «здесь был Том», — сказала наконец Джилл. — Мальчишки на пристани везде так пишут.

— Может, — сказал Джек.

* * *

Время в подвале шло иначе.

Не было ни дня, ни ночи. Только серая щель под потолком, которая то светлела, то гасла, и Джек не мог понять, сколько раз она погасла с тех пор, как они здесь. Три? Пять? Он пробовал

считать, как те, до них, царапая камень, но сбился и бросил. Время в подвале было похоже на ту лужу в углу: стоячее, тёмное, и по нему медленно расходились круги от капель.

Холод был всё время. Он поднимался от пола, сочился из стен, забирался под мокрую одежду и не уходил. Дети спали, прижавшись друг к другу, и всё равно дрожали.

— У тебя зубы стучат, — говорил Джек.

— Это не я. Это ты.

— Это ты. Я слышу.

— Тогда у обоих.

Иногда Джек просыпался оттого, что по ногам пробегало что-то мелкое, с острыми коготками, и в темноте слышался писк. Крысы. Они приходили по ночам и шуршали в соломе.

— Джек! — Джилл подскакивала и забиралась на него чуть ли не с ногами. — Джек, она по мне пробежала!

— Кыш! Кыш отсюда! — Джек бил ладонью по полу. — Всё. Ушла.

— Она вернётся.

— Не вернётся. Я её напугал.

— Ты никого не можешь напугать. Ты маленький.

— Я старший.

— На пять минут.

— На пять минут — это тоже считается.

Она прижималась к нему и затихала. А крысы возвращались. Они всегда возвращались.

* * *

Чтобы не бояться, они разговаривали. Обо всём на свете. Джек заметил, что, пока они разговаривают, темнота становится не такой густой, будто слова раздвигают её, как руки раздвигают воду.

— Джек, — спрашивала Джилл. — Если бы ты мог съесть что хочешь, что бы ты съел?

— Пирог. Тот, с мясом.

— Нет, этот нельзя. Это её пирог. Другой.

— Тогда… Сало. Целый кусок, большой, с прослойкой. И хлеба целый каравай. Один. Без тебя.

— Без меня?

— Ну ладно. С тобой. Но тебе горбушку.

— Я люблю горбушку.

— Я знаю. Поэтому и даю.

— А я бы… — Джилл задумалась. — Я бы съела яблоко. Печёное. С мёдом. Как у неё в корзине было.

— Это тоже её.

— Яблоки не её. Яблоки на дереве растут. Они ничьи.

Иногда она спрашивала совсем другое.

— Джек, а папа на небе?

— Наверное.

— А он нас видит?

— Не знаю.

— Если видит, почему не помогает?

Джек долго молчал.

— Может, он там занят, — сказал он. — Может, там тоже война.

— На небе не бывает войны.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Там хорошо. Там всегда тепло и все сытые.

— Тогда он, может, нас просто не видит. Тут же темно.

Джилл подумала и согласилась, что, наверное, так и есть. Тут слишком темно, чтобы их было видно с неба.

А однажды она попросила:

— Спой мне.

— Я не умею.

— Ту, мамину. Про утку и лису.

— Не было никакой мамкиной песни, — буркнул Джек. — Ты придумала. Мама только пила.

— Была, — сказала Джилл. — Ты просто не помнишь. А я помню. Всю.

— Врёшь.

— Не вру. Слушай.

Она села, подтянула колени к подбородку и запела. Тихонько, чтобы не услышали наверху. Голос у неё дрожал от холода, но слова она не путала ни разу.

Утка шла по бережку,
По песочку, по лужку,
А лиса за ней тихонько,
Рыжим хвостиком легонько.

И Джек вдруг увидел.

Не подвал. Лачугу. Только другую, ту, какой она была давно, когда стены ещё не почернели и в углу стоял медный таз, начищенный до блеска. В очаге горел огонь. Настоящий, высокий, на целую охапку дров. Отец сидел у стола без мундира, в одной рубахе, и чинил сапог. А мама сидела на лавке, и они, Джек и Джилл, лежали у неё на коленях, по одному с каждой стороны, и она гладила их по головам и пела.

— Утя-утя, погоди,
Не спеши, не уходи.
У меня в норе тепло,
Мягко, сухо и светло.

Мама была молодая. Джек и не знал, что она когда-то была молодая. У неё были тёплые руки и косы, уложенные венком, и когда она пела, то улыбалась, и улыбка была не для бутылки, а для них.

Накормлю тебя, утица,
Хлебом, мёдом и пшеницей,
Будешь гладкой, будешь сытой,
Будешь спать в норе укрытой.

Джилл запнулась. Посмотрела на брата. Он сидел, отвернувшись к стене, и не шевелился.

— Дальше петь? — спросила она.

— Пой, — сказал Джек глухо.

Утка глянула назад:
У лисы-то сладкий взгляд,
Улыбается, кивает,
А глаза не согревают.

Джек подумал о старухе. О том, как она улыбалась в лачуге и кивала, а глаза у неё были бутылочные, пустые. Мама, выходит, всё знала. Мама пела им про это давным-давно, когда они ещё не понимали слов. Пела, чтобы они запомнили. А потом сама взяла у лисы бутылку.

Утка крылья распахнула,
Над рекою упорхнула,
А лисица щёлк зубами
Над пустыми камышами.

Тут Джек заплакал.

Он не плакал ни в лесу, ни когда их заперли, ни когда старуха резала ему щёку. А тут не смог удержаться. Слёзы текли сами, горячие, и он даже не вытирал их, потому что в темноте всё равно никто не видит. Он плакал не о подвале и не о старухе. Он плакал о маме. О той, на лавке, с тёплыми руками. Её больше не было. Её не стало намного раньше, чем пришла старуха, а он и не заметил, когда.

Джилл допела последний куплет совсем шёпотом:

Баю-баю, спите, птахи,
Не бывает в мире страха,
Если крылышки при вас:
Улетите в добрый час.

Стало тихо. Только капли падали в лужу. Кап. Кап.

— Она правда пела, — сказал Джек. Это был не вопрос.

— Правда. Каждый вечер. Пока папа был.

— Почему я не помню?

— Ты засыпал первый. На второй утке.

Джек шмыгнул носом и вытер лицо рукавом.

— А ты?

— А я всегда дослушивала. Мне надо было знать, что утка улетит.

Она помолчала.

— А у нас нет крыльев, — сказала она.

— У нас нет, — согласился Джек.

Джилл придвинулась к нему и положила голову ему на плечо, как тогда, дома, у прогоревшего очага. Он почувствовал, что она тоже плачет. Тихо, без звука. Так они и сидели в темноте, двое, и плакали каждый о своём, и об одном и том же.

Вот что делает старая колыбельная, если спеть её в подвале. Она не спасает. Она только напоминает, что когда-то было тепло. А это иногда больнее холода.

* * *

Старуха приходила раз в день.

Они слышали её шаги задолго до того, как открывался люк. Тяжёлые, медленные, по лестнице сверху вниз. Скрип ступеней. Звяканье ключей. Потом свет свечи, жёлтый, режущий глаза после темноты. И её лицо над свечой, подсвеченное снизу, с тенями во впадинах щёк и с бутылочными глазами, в которых ничего не отражалось.

Джилл каждый раз отползала в самый дальний угол.

Старуха приносила еду. Много еды. Миски с кашей, густой, жирной, на сале. Хлеб. Варёное мясо. Ставила всё на пол у решётки и просовывала между прутьями.

— Кушайте, свинки, — говорила она. — Кушайте, нагуливайте жирок.

Она больше не притворялась доброй. Она говорила это ровно и деловито, так, как говорят на скотном дворе.

— Бабушка, — сказала однажды Джилл из угла. — Отпустите нас. Пожалуйста. Мы домой пойдём. Мы никому не скажем.

Старуха посмотрела на неё. Долго. Потом повернулась и ушла, не сказав ни слова. Люк захлопнулся.

— Не проси её, — сказал Джек. — Не надо.

— Почему?

— Она не отпустит.

— А вдруг отпустит? Вдруг она просто не услышала?

— Она услышала.

Джилл ела. Она была слишком голодная, чтобы не есть, и слишком маленькая, чтобы понимать. Джек ел тоже, потому что без еды они бы замёрзли насмерть. Но каждую ложку он глотал с трудом. Теперь он понимал. Он видел свиней на скотном дворе. Видел, как их откармливают перед зимой. И видел, что бывает потом.

— Джек, ты почему не ешь?

— Ем.

— Ты одну ложку уже сто лет жуёшь.

— Каша горячая.

— Она холодная.

— Вот и жую, чтоб согрелась.

* * *

Однажды старуха пришла с ножом.

Она подошла к решётке вплотную, протянула руку между прутьями и провела лезвием Джеку по щеке. Быстро, почти небрежно. Он даже не успел отшатнуться. Щёку обожгло, потом стало мокро и тепло.

Джилл вскрикнула.

Старуха поднесла лезвие к свече и посмотрела на кровь. Понюхала её, долго, с закрытыми глазами, втягивая воздух ноздрями. Потом лизнула. Кончиком языка, с самого края лезвия.

— Жидковата, — сказала она. — Рано.

И повернулась к Джилл.

Джек встал так, чтобы закрыть сестру. Он стоял перед ней, худой, грязный, с кровью на щеке, и смотрел старухе в глаза. Коленки у него тряслись, но он стоял.

— Не трогай её, — сказал он. Голос дал петуха, и он сказал ещё раз, ниже: — Не трогай.

Старуха усмехнулась. Ничего не ответила. И ушла.

Джилл подползла к нему и стала вытирать ему щёку рукавом.

— Больно?

— Нет.

— Врёшь.

— Чуть-чуть.

— Зачем она так?

— Не знаю.

— Что значит «рано»?

Джек не ответил.

Той ночью Джилл не плакала. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на люк.

— Она придёт за мной, — сказала она. — Да?

— Нет. Я не дам.

— Как ты не дашь? Она сильная. Она тебя одной рукой подняла.

— Не дам, и всё.

— Джек. — Джилл повернулась к нему, и в сером свете он увидел её глаза, огромные, тёмные. — Если она меня заберёт… Ты не бросай меня. Ладно? Ты приходи за мной.

— Я не дам ей тебя забрать.

— А если заберёт? Обещай, что придёшь.

— Обещаю.

— По-настоящему обещай. Как на пристани мальчишки. Плюнь.

Джек плюнул в ладонь и протянул ей. Она плюнула в свою и пожала его руку. Ладошка у неё была маленькая и ледяная.

— Всё, — сказала она. — Теперь нельзя нарушить.

Он сам не верил в то, что обещал. Джилл, наверное, тоже не поверила. Но она прижалась к нему, и он обнял её и держал до самого утра, если это было утро.

* * *

После этого Джек искал выход ещё упорнее.

Он больше почти не спал. Он ковырял раствор между камнями, пока пальцы не стали чёрными от крови и грязи. Пробовал раскачать прутья, каждый, по очереди, сотни раз. Нашёл в соломе острый осколок кости и пытался им поддеть засов. Осколок сломался. Он нашёл другой.

— Я придумал, — шептал он сестре. — Когда она откроет решётку, я на неё прыгну. Сзади. И вцеплюсь в горло. А ты беги. Беги наверх, и в дверь, и в лес.

— А ты?

— Я тебя догоню.

— Не догонишь. Она тебя убьёт.

— Не убьёт. Я быстрый.

— Я без тебя не побегу.

— Побежишь.

— Не побегу! — Джилл топнула ногой по соломе. — Мы вместе. Всегда вместе. Ты сам говорил.

Джилл искала выход вместе с ним. Она ползала вдоль другой стены, трогала пол, совала руку в каждую щель. Она уже не плакала. Слёзы кончились, как кончается вода в ведре. Она просто искала, молча, упорно, и иногда Джек видел в сером свете её лицо: осунувшееся, с огромными глазами, с сухими губами. И ему казалось, что это уже не его сестра, а одна из тех, кто царапал чёрточки на стене.

А потом, однажды, сверху раздались шаги.

Не такие, как всегда. Быстрее. Решительнее. И без звяканья мисок.

Джилл перестала искать и подняла голову.

— Джек, — сказала она очень тихо. — Она без еды идёт.

Люк открылся. Старуха стояла наверху и смотрела на них, не двигаясь. В руке у неё была свеча, и свет освещал её лицо снизу.

Она не принесла еды.

Джек вскочил и встал перед сестрой.

* * *

Старуха спустилась по лестнице. Неторопливо, ступенька за ступенькой, и каждая ступенька скрипела под ней так, будто весила она не как маленькая сгорбленная старушка, а как целая телега. Она подошла к решётке, отперла засов и распахнула дверь. И протянула руку к Джилл.

— Пойдём, девонька, — сказала она. — Пора.

— Нет, — сказала Джилл. — Нет. Не пойду. Джек!

И закричала.

Она вжалась в стену, в самый угол, и кричала так, как Джек не слышал никогда: тонко, пронзительно, без слов. Старуха шагнула в клетку и схватила её за запястье. Пальцы с жёлтыми ногтями сомкнулись, как капкан.

Джек бросился на неё.

Он вцепился ей в рукав, в платок, в волосы, бил кулаками по сухой спине, пытался разжать её пальцы на запястье сестры. Пальцы были твёрдые, как корни старого дерева.

— Отпусти! Отпусти её! Отпусти!

Он укусил её за руку, до крови, и кровь у неё была чёрная и холодная, и пахла землёй, как пахнет в погребе. Старуха даже не поморщилась. Она отмахнулась от него, не глядя, одной рукой, как от щенка, и Джек отлетел к стене и ударился затылком о камень. В глазах вспыхнуло белым.

Сквозь звон в ушах он слышал, как кричит Джилл.

— Джек! Джек, не отдавай меня! Ты обещал! Джек! Ты обещал!

Она вырывалась. Упиралась пятками в каменный пол, цеплялась свободной рукой за прутья решётки, за ступени, за всё, до чего могла дотянуться. Старуха тащила её волоком, не замедляя шага. Пальцы Джилл соскальзывали с железа, ногти ломались о камень. Она извивалась, билась, кусалась, и всё это было бесполезно, потому что старуха была сильнее, чем может быть человек.

— Мама! — кричала Джилл. — Мамочка! Джек!

Джек поднялся. Ноги не держали. Он кинулся к двери решётки, но старуха уже выволокла Джилл в проход и, не оборачиваясь, захлопнула решётку ногой. Лязгнул засов. Джек врезался в прутья всем телом.

Старуха остановилась. Обернулась. Посмотрела на него сквозь решётку своими бутылочными глазами.

— А ты не торопись, соколик, — сказала она. — Твой черёд завтра. Ты пойдёшь в рагу. На обед.

И потащила Джилл дальше.

* * *

Дубовая дверь напротив клетки, та, что всё это время была закрыта, теперь распахнулась. Старуха открыла её настежь и оставила открытой.

Нарочно. Чтобы он видел.

За дверью была комната. Джек смотрел в неё сквозь прутья, и она была видна ему вся, от порога до дальней стены, как сцена в балагане на ярмарке, куда их с Джилл никогда не пускали, потому что вход стоил целый грош.

Комната была круглая, без окон, с низким закопчённым сводом. Стены были сложены из того же чёрного камня, что и подвал, но здесь камень был покрыт знаками. Их кто-то вырезал, или выжег, или нарисовал чем-то тёмным, засохшим, бурым: спирали, глаза, руки с длинными пальцами, змеи, свернувшиеся в кольцо и кусающие себя за хвост. Знаков было так много, что стены казались живыми, будто по ним что-то ползло.

Вдоль стен на полках стояли банки. Много банок, стеклянных, мутных, и в них что-то плавало. Джек не хотел смотреть, что. Под потолком висели пучки трав, такие же, как наверху, в тёплой комнате, но здесь они были чёрные, высохшие до хруста, и пахли не лугом, а тленом. С крюков на цепях свисали связки чего-то мелкого и белого. Косточки. Птичьи черепа. Зубы, нанизанные на нитку, как бусы.

Посреди комнаты на каменном полу был начерчен круг. Белый, ровный, будто проведённый мелом, но Джек знал, что это не мел. По краю круга шли знаки, такие же, как на стенах, а внутри, в самом центре, стоял алтарь. Тяжёлая каменная плита на четырёх грубых опорах, тёмная, в потёках. С её краёв свисали ремни.

Вокруг круга горели свечи. Десятки свечей, толстых, жёлтых, оплывших, на полу, на полках, на выступах стен. Их пламя стояло неподвижно, как то пламя, что старуха несла через лес. Ни одно не дрожало. Это были послушные свечи. Им давно никто не рассказывал ничего хорошего, и они разучились дрожать.

Старуха бросила Джилл на алтарь.

Джилл билась. Она выгибалась, лягалась, царапала старухе руки, и старуха спокойно, привычно, не спеша, затянула ремни у неё на запястьях. Потом на щиколотках. Потом поперёк груди. Так затягивают подпругу на лошади: туго, без злости, без жалости.

— Отпусти её! — закричал Джек. — Отпусти! Отпусти!

Он тряс решётку. Железо лязгало, сыпалась ржавчина, прутья не поддавались. Он бил по ним кулаками, пока не разбил костяшки в кровь. Бился плечом, головой. Просовывал руки между прутьями, тянулся, как будто мог дотянуться до сестры через весь проход. Не мог. Между ними было двадцать шагов, и эти двадцать шагов были длиннее всего леса.

— Джек, — позвала Джилл с алтаря. Уже не кричала. Тихо, как зовут, когда просыпаются ночью от страшного сна. — Джек, мне больно. Ремни давят.

— Я здесь! Я здесь, Джилл! Я тут!

— Мне холодно.

— Я сейчас! Я сейчас приду!

Он знал, что не придёт. И она знала.

* * *

Старуха встала у изголовья алтаря и подняла руки.

Она начала говорить. Слова были непонятные, гортанные, тяжёлые, они перекатывались у неё в горле, как камни в реке. Она говорила негромко, но голос её заполнял всю комнату, и проход, и подвал, и Джек слышал его не ушами, а будто всем телом, костями, зубами. От этих слов пламя свечей, неподвижное до сих пор, начало качаться. Влево. Вправо. Влево. Хотя никакого ветра не было.

Потом слова стали понятными. Старуха заговорила так, что Джек разбирал каждое из них, и лучше бы не разбирал.

— Вы, что под корнями, — говорила она. — Вы, что за краем ночи. Вы, что пьёте тёплое и дышите чужим дыханием. Слышите меня? Я зову вас. Я, ваша верная, ваша старая. Я принесла вам плату.

Она положила сухую ладонь Джилл на грудь.

— Вот вам жизнь. Молодая, нетронутая, чистая. Возьмите её. А мне дайте десять лет. Десять лет жизни. Десять лет силы. Как прежде. Как всегда.

Джилл повернула голову к двери. Она смотрела на брата, и губы у неё шевелились.

— Джек… Утка шла по бережку…

— Не надо, — сказал Джек. Голос сорвался. — Пожалуйста. Не надо. Возьми меня. Слышишь? Возьми меня вместо неё. Я больше. Я сильнее. Во мне больше жизни, я старший! Пожалуйста. Бабушка. Бабушка, пожалуйста. Отпусти её. Я всё сделаю. Я буду работать. Я буду тебе воду носить, дрова рубить, я всё умею. Я буду твоим. Только отпусти её. Пожалуйста. Пожалуйста.

Старуха даже не повернула головы.

Она достала из складок платья нож. Тот самый, с тонким лезвием, которым резала ему щёку. Подняла его над алтарём обеими руками, остриём вниз, и держала так, пока договаривала последние слова. Пламя свечей качалось всё сильнее. По стенам метались тени.

— Придите, — сказала старуха. — Придите и возьмите.

И ударила.

Нож вошёл Джилл в грудь, туда, где сердце. Джилл выгнулась на алтаре, вся, натянув ремни. Рот её открылся, но крика не было. Только короткий, удивлённый выдох. Будто она хотела сказать «ой» и не успела.

Джек закричал за неё.

А старуха не вынула нож. Она держала его обеими руками, навалившись на рукоять, и наклонилась над Джилл низко, лицом к лицу, так, что её губы почти касались губ девочки. И вдохнула.

Изо рта сестры потянулась струйка пара. Белая, тонкая, как дыхание на морозе. Она поднималась вверх и уходила в рот старухи, и старуха пила её, жадно, с закрытыми глазами, пока Джилл умирала. С каждым ударом маленького сердца, которое ещё билось вокруг лезвия, пар шёл сильнее, и с каждым глотком лицо старухи менялось: разглаживались морщины, темнели седые волосы, выпрямлялась согнутая спина. А Джилл бледнела. Губы её посерели. Щёки ввалились. Пальцы, которые только что царапали камень, разжались.

Она ещё смотрела. Она смотрела на дверь, туда, где за решёткой был брат.

— Нет, — шептал Джек. — Нет, нет, нет, нет.

Сердце под лезвием толкнулось ещё раз. Слабо. Потом ещё. Потом перестало.

Последняя струйка пара оторвалась от губ Джилл и растаяла.

Старуха выпрямилась и выдернула нож.

Грудь Джилл больше не поднималась.

* * *

Джек перестал биться о решётку.

Он стоял, вцепившись в прутья, и смотрел на сестру. Она лежала на алтаре, белая, маленькая, неподвижная. Глаза её были открыты и смотрели на дверь. На него. И в них ничего больше не было.

И что-то в груди у Джека сломалось.

Он почувствовал это. Не сердце, глубже. Что-то, что держало его все эти годы: на улицах, на скотном дворе, в лесу, в подвале. Что-то, что говорило ему: держи её за руку, не отпускай, пока ты держишь, всё будет хорошо. Оно хрустнуло, как сухая ветка под сапогом. И из этой трещины поднялся крик.

Джек закричал.

Это был не детский крик. И не человеческий. Он шёл из самой глубины, оттуда, где у человека нет слов, и рвался наружу, разрывая горло. Так кричит зверь, у которого убили детёныша. Так кричит земля, когда её раскалывает молнией. Крик ударил в стены подвала, и стены отозвались гулом. С потолка посыпалась каменная крошка. Банки на полках в комнате с алтарём задребезжали, и одна лопнула.

Старуха обернулась. Впервые за всё это время в её бутылочных глазах что-то мелькнуло.

А Джек кричал и не мог остановиться, и крик его уходил куда-то дальше подвала, дальше избушки, дальше леса. За край всякой ночи.

И там его услышали.

* * *

Капли, падавшие с потолка, застыли в воздухе. Крысы в соломе замолчали. Пламя свечей в комнате с алтарём остановилось и стало плоским, как нарисованное. Старуха замерла с поднятой рукой. Всё замерло.

Кроме Джека.

Перед ним, по ту сторону решётки, поднялась тень.

Высокая, тонкая, выше любого человека. Та самая, что шла рядом с ним в лесу, по левую руку, между стволами. Та, что стояла ночью у дерева и смотрела. Она шла за ним все три дня. Она ждала.

У неё не было лица и не было тела, но она была. Темнее темноты вокруг. И Джек точно знал, где у неё голова, потому что туда приходилось смотреть, задирая подбородок.

Оно заговорило. Не ртом. Голос раздался прямо у Джека внутри, в том месте, где только что что-то сломалось. Тихий, ровный, древний, как камень на дне реки, и от каждого слова по коже бежал холод.

«Я могу вернуть её».

Джек перестал кричать.

— Ты кто? — прохрипел он.

«Это неважно. Важно, чего ты хочешь».

— Верни её.

«Я могу вернуть её тебе. Но за всё есть плата».

— Какая? У меня ничего нет. Ничего. Даже гроша.

«Мне не нужны гроши. Мне нужна частица ваших душ. Твоей. И её. Немного. Вы даже не сразу заметите, чего не хватает».

Джек не думал. Ни мгновения. Дети вообще редко думают, когда им предлагают вернуть самое дорогое. И, может быть, в этом они мудрее взрослых. А может быть, и нет.

— Бери, — сказал он. — Забери всё, что потребуется. Забери всё. Только верни её.

Тень наклонилась к нему. Ниже. Ближе. Он почувствовал на лице её холод.

«Она мёртвая, мальчик. Мёртвые не спорят, мёртвых берут, как берут пустой кувшин с полки. А ты живой. Ты отдаёшь сам. Это дороже всего. Это держит крепче всего. Запомни: на тебе будет держаться наш договор. Пока ты дышишь».

— Я понял, — сказал Джек, хотя ничего не понял. — Бери.

Тень протянула к нему руку. Если это была рука. Она прошла сквозь прутья решётки, как сквозь воду.

Джек медленно поднял свою.

* * *

Холодные пальцы, если это были пальцы, вошли ему в грудь, не разрывая кожу, и сомкнулись на чём-то внутри. На чём-то тёплом. И потянули.

Джек повис на прутьях. Ноги подогнулись, руки сами вцепились в железо и не разжимались. Глаза закатились. Он больше не видел подвала. Он видел только темноту, и темнота входила в него.

Она шла медленно, как вода в треснувший кувшин. Заполняла его, место за местом. Сначала руки. Потом грудь. Потом голову. И чем больше её входило, тем меньше в нём оставалось его самого. Он чувствовал, как уходит что-то тёплое, нитка за ниткой, и на его место ложится холодное, тихое, внимательное.

Перед глазами вспыхивали и гасли картинки. Портрет отца над очагом. Узелок с хлебом и салом. Смех Джилл, когда они были совсем маленькими и отец подбрасывал их к потолку. Запах сена на скотном дворе. Мамины руки, когда она ещё не пила и пела им по вечерам про утку и лису. Каждая картинка вспыхивала ярко, до боли ярко, и гасла, и на её месте оставалось серое пятно. Он помнил, что это было. Но больше не чувствовал, каким оно было. Так бывает с цветком, который засушили в книге: он всё ещё цветок, у него те же лепестки, но он больше не пахнет.

Он не сопротивлялся. Он сам открыл дверь. Он принимал это в себя, глоток за глотком, как больной принимает горькое лекарство, зная, что иначе не выжить. Это было долго. Живое никогда не отдаётся быстро. И где-то очень далеко, на самом краю, Джек ещё понимал: это навсегда.

А тень, не дожидаясь, пока он отдаст всё до конца, повернулась к алтарю.

* * *

Джилл лежала на камне пустая.

В ней не осталось ничего. Старуха выпила всё, до последней струйки пара, до последнего удара сердца. Жизнь ушла, тепло ушло, и душа, растерзанная, лишённая того, что её держало, ушла бы тоже, если бы ей было куда идти. Но она не ушла. Она осталась, тонкая, едва живая, как свеча, которую только что задули, а над ней ещё вьётся дымок.

А рядом с ней было пусто. Целое пустое место. Как дом, из которого вынесли всё, и остались только стены.

Тень вошла в этот дом.

Она скользнула через проход, через порог, через круг, легла на алтарь, на мёртвую девочку, и стала уходить в неё. В рану на груди. В открытые глаза. В полуоткрытый рот. Без спроса и без сопротивления, потому что сопротивляться было некому. Джек ещё висел на решётке и отдавал своё, медленно, нитка за ниткой, потому что живой. А Джилл была сосудом, из которого вылили воду. И тень заполнила её первой, легко и быстро, как вода заполняет пустую чашу.

Время снова пошло. Капли с потолка упали в лужу. Кап.

И в комнате стало холодно.

* * *

Старуха почувствовала это первой.

Холод пришёл не от двери и не из подвала. Он пришёл от алтаря. Сначала это было просто дуновение, лёгкое, как сквозняк. Потом изо рта у старухи пошёл пар. Она удивлённо посмотрела на него. Потом на свои руки. Пальцы, только что гладкие и молодые, побелели и перестали гнуться.

Пламя свечей вокруг круга вдруг покрылось инеем. Прямо так, горящим. Огонь застыл в ледяной корке, как цветок в стекле, и погас изнутри. Свеча за свечой. Ряд за рядом. Послушные свечи не успели даже удивиться. По знакам на стенах побежала изморозь, и знаки, один за другим, гасли под ней, как глаза, которые закрываются. Банки на полках лопались от холода с сухим треском. Пучки трав под потолком зазвенели, как стеклянные колокольчики.

Из раны на груди Джилл, из того места, куда вошёл нож, поднимался иней.

Он рос, как растёт лёд на окне в лютый мороз: тонкими белыми перьями, узорами, папоротниками, ветвями. Такие узоры зимой рисует на окнах верхнего города мороз, и дети из богатых домов дышат на стекло, чтобы протаять в них дырочку. Иней расползался по коже, по рваной рубашке, по ремням. И там, где он проходил, рана затягивалась. Края её сходились, белели, срастались, и через несколько мгновений на месте раны остался только тонкий голубоватый след, гладкий, как трещинка во льду на реке. А под ним не билось сердце. Под ним, медленно и ровно, что-то мерцало. Холодным голубым светом.

Старуха попятилась.

Она поняла. Это пришли не те, кого она звала. Те, что под корнями, всегда приходили тёплыми, сытыми, они пили тёплое и дышали чужим дыханием. А это пришло холодным. Это было не её. Это было чужое, старое, огромное, и оно не брало плату. Оно брало всё.

— Кто ты? — прошептала старуха.

Голос у неё сорвался. Она спросила громче, почти выкрикнула:

— Кто ты?!

Но было поздно.

* * *

Джилл поднялась.

Она не села, как садятся люди, когда просыпаются. Её подняло. Медленно, плавно, как поднимается туман над водой на рассвете. Ремни на запястьях и щиколотках застыли, побелели и лопнули с сухим звоном, как сосульки, когда их сбивают палкой с крыши. Плита алтаря под ней пошла трещинами и обросла льдом.

Волосы Джилл, тёмные, спутанные, грязные после подвала, начали светлеть. Прядь за прядью, от корней к кончикам, будто их заносило снегом. Они росли. Удлинялись на глазах, падали на камень, до пояса, ниже пояса, и стали совсем белыми, серебряными, и светились в темноте.

Кожа её разгладилась. Синяки, царапины, ссадины от решётки, всё ушло, будто стёрли мокрой тряпкой. Она стала белой и гладкой, как фарфоровая чашка, которую Джек однажды видел в витрине верхнего города и простоял перед ней полдня. Такой гладкой, что казалась прозрачной.

Она встала на ноги. Босая, на каменном полу, и от её ног во все стороны поползли белые узоры. По кругу, по треснувшей черте, к стенам. В комнате пошёл снег. Мелкий, сухой, из ниоткуда. Он падал с закопчённого свода и не таял.

Джилл открыла глаза.

Они были голубыми. Не того цвета, что бывает у людей. Такого цвета бывает лёд на реке в январе, если смотреть на него против солнца. В них не было ни страха, ни боли, ни слёз. Ничего. Только холод. И что-то ещё, глубоко внутри, тёмное и древнее, что смотрело через них, как смотрят в окно чужого дома.

Она повернула голову и посмотрела на старуху.

* * *

Старуха закричала.

Она забилась в угол, между полками, и зашептала. Быстро, сбивчиво, глотая слова. Заклинание. Те же гортанные звуки, что раньше заставляли качаться пламя свечей. Только теперь они не шли. Застревали в горле, рвались, путались. Она начинала сначала, сбивалась, начинала снова.

— Покровитель мой, — бормотала она. — Хозяин мой, что под корнями, что под камнем, что под чёрной водой… Приди… Приди ко мне… Я твоя верная… Я тебе служила… Сорок лет служила, сорок лет кормила… Приди, защити…

Пол под ней дрогнул. Где-то глубоко, под камнем, под избушкой, под лесом, что-то шевельнулось. Тяжело, нехотя, как старый пёс, которого зовут из конуры в мороз. Из щелей между плитами показались корни, тёмные, мокрые, и потянулись к старухе, к её ногам.

И замерли.

Иней добрался до них. Корни побелели, остекленели и рассыпались в пыль. Тот, кто под корнями, отступил. Он ушёл обратно вниз, во тьму, и больше не шевелился. Он не стал спорить с тем, что пришло. Он испугался. Даже у тех, кто живёт под корнями, есть те, кого они боятся.

Старуха осталась одна.

— Покровитель… — прошептала она. — Покровитель мой… Как же так…

Джилл подняла руку.

В воздухе перед ней собралась вода. Ниоткуда, из самого холода. Капля за каплей, сгущаясь, вытягиваясь, сверкая в голубом свете, и застыла. Длинным, тонким, острым шипом, прозрачным, как стекло, с остриём, похожим на иглу.

Джилл не сказала ни слова. Её лицо не изменилось.

Ледяной шип вошёл старухе в сердце.

Туда же, куда старуха ударила её. Тихо, почти без звука. Старуха охнула, коротко, удивлённо, совсем как Джилл на алтаре. Посмотрела вниз, на прозрачное остриё у себя в груди. От него по платью, по рукам, по шее побежал иней. Белые перья, узоры, ветви. Они росли, сковывали её, и старуха застывала, как застывает вода в ведре на морозе. Помолодевшее лицо посерело, потом побелело, потом покрылось ледяной коркой. Рот так и остался открытым. В бутылочных глазах застыл последний вопрос.

Кто ты?

Она упала на пол, звеня, как ледяная глыба. И больше не шевелилась.

Так кончилась старуха, которая сорок лет кормила того, кто под корнями. И никто в целом свете о ней не пожалел. Даже тот, кому она служила.

* * *

Джек пришёл в себя на полу клетки.

Он не помнил, как упал. Он лежал на мокрой соломе лицом к решётке и смотрел сквозь прутья. Темнота внутри него улеглась. Она больше не текла. Она была на месте. Под рёбрами. Холодная, тихая, внимательная, как кошка, свернувшаяся у печки.

Он поднял голову и увидел комнату с алтарём. Снег. Лёд на стенах. Белую глыбу у полок, которая была старухой. И сестру.

Джилл стояла посреди круга. Белая, с длинными серебряными волосами, в разорванной рубашке, на которой больше не было крови.

— Джилл? — позвал Джек. Голос был сиплый, сорванный. — Джилл, это ты?

Она обернулась.

— Я.

— Ты живая?

— Живая.

— Тебе больно?

— Нет.

— А холодно? Ты же босиком…

Джилл посмотрела на свои босые ноги на ледяном камне. Будто впервые их увидела.

— Нет, — сказала она. — Мне никак.

Она смотрела на него. Она его узнала, он это видел. Но в её взгляде больше ничего не было. Ни радости, ни страха. Ни «Джек, ты пришёл». Ни «ты обещал». Глаза были спокойные и неподвижные, как вода в проруби.

Она была живая. Он её вернул.

Джек встал. Взялся за прутья решётки. И почувствовал, как пальцам стало горячо.

Он посмотрел на свои руки. Железо под ладонями краснело. Сначала тёмно-красным, как угли в очаге. Потом алым. Потом жёлтым. Потом белым, ослепительным. Прутья обмякли, как воск у свечи, потекли, закапали на камень огненными каплями. Решётка оплывала у Джека в руках, и ему не было больно.

Он поднёс ладони к лицу. Между пальцами плясали маленькие язычки огня. Рыжие, золотые, живые. Они не жгли его. Огонь отражался у него в глазах, и Джилл смотрела, как он отражается.

— Смотри, — сказал Джек. — Джилл, смотри. Это у меня.

— Вижу, — сказала Джилл.

Джек засмеялся.

Сначала тихо, как смеются, когда что-то нашли. Потом громче. Потом смех стал злым, хриплым, и в нём совсем не осталось ничего детского. Он смеялся и не мог остановиться, и огонь между пальцами разгорался от смеха сильнее.

* * *

Он шагнул через расплавленную решётку, и огонь пошёл за ним.

Он не бросал его. Огонь сам срывался с его рук, как птицы срываются с ветки. Рыжие языки бежали по соломе, и солома вспыхивала разом, вся, от стены до стены. Пламя взбиралось по каменной кладке, лизало своды, выжигало чёрные знаки. Крысы с визгом метались по углам.

— Бегите! — кричал им Джек и смеялся. — Бегите, бегите!

Он поднял руки, и огонь закружился вокруг него. Кольцом. Вихрем. Огненные ленты взвились к потолку, переплелись, рассыпались искрами, и искры падали на пол золотым дождём. Он разводил руки, и пламя раскрывалось, как цветок. Сжимал кулаки, и оно свора-

чивалось в шар, тёплый и тяжёлый, как яблоко. Подбрасывал его и ловил. Он играл с огнём, как играют со щенком.

— Джилл! Гляди! Гляди, как я могу!

Джилл глядела. Молча.

Впервые в жизни у него было что-то своё. Не хозяйское, не мамино, не подобранное под прилавком. Своё. Что-то, что слушалось только его.

Он прошёл через комнату с алтарём. Пламя перекинулось на полки, на банки, на чёрные пучки трав. Снег Джилл таял, шипел, поднимался паром, и в пару огонь переливался и горел ещё ярче. Джилл шла рядом, в двух шагах. Огонь обходил её стороной. Ни одна искра не упала на её белые волосы, будто огонь знал, что её трогать нельзя.

Они поднялись по лестнице наверх, в ту самую тёплую комнату. Там всё было как прежде. Половики на полу. Подушки на лавках. Белая скатерть на столе. Миска с остывшим супом, его миска, которую он так и не тронул. Пучки мяты и ромашки под потолком.

Джек посмотрел на всё это. На стол, за которым он думал: а вдруг. На лавку, где Джилл сидела, положив руки на тёплую миску, и спрашивала, можно ли им остаться насовсем.

— Помнишь? — спросил он. — Ты хотела ей полы мести.

— Помню, — сказала Джилл.

Она помнила. Но по её лицу было видно, что она не помнит, каково это было: хотеть.

Джек махнул рукой.

Скатерть вспыхнула. Потом стол. Потом лавки, половики, балки под потолком, пучки трав, которые затрещали, как хворост. Огонь ревел, рвался вверх, жрал всё, до чего мог дотянуться, а Джек стоял посреди пожара и смеялся. Пламя трепало его волосы и не трогало их.

Джилл открыла дверь, и они вышли.

* * *

Они встали перед избушкой.

Ночь была ясная, над поляной висели звёзды. Звёзды смотрели вниз с тем равнодушием, с каким смотрят на всё, потому что видели за свою жизнь столько, что удивить их уже нечем.

Теперь, в свете пожара, Джек ясно разглядел то, что не хотел разглядывать в сумерках. На кольях вокруг избушки висели кости. Птичьи. Покрупнее. И маленькие, совсем маленькие, детские. На нескольких кольях белели черепа. Их было много. Больше, чем чёрточек на стене подвала.

Джек поднял руку. Пламя сорвалось с ладони и ударило в стену. Старые сухие брёвна занялись сразу. Огонь пошёл вверх, по углам, по наличникам, добрался до крыши, и мох на крыше вспыхнул весь, с треском. Избушка, такая маленькая снаружи, горела так, будто внутри у неё был целый дом. Пламя поднималось выше елей, и в нём что-то выло и стонало, и было непонятно, это брёвна трещат или кто-то кричит.

Черепа на кольях блестели в зареве.

Джек смеялся. Тот же злой, недетский смех.

Джилл стояла рядом и молча смотрела, как горит дом. Ветер от пожара шевелил её белые волосы. Ей не было ни жарко, ни страшно.

* * *

Потом они пошли в лес.

Тропы не было, и они шли между деревьями наугад, всё дальше от поляны, где догорала избушка. Джек улыбался. На ладони у него танцевал огонёк, и он то и дело поглядывал на него и тихо посмеивался.

— Джилл, — сказал он. — А куда мы пойдём?

— Не знаю, — сказала Джилл. — Куда-нибудь.

— Домой не пойдём?

Джилл подумала.

— Нет, — сказала она. — Домой не пойдём.

Он взял её за руку, как держал все три дня в лесу. Рука у неё была холодная, как снег. Он держал её и не отпускал. Больше у него ничего не было. И у неё тоже.

Ели над ними скрипели и переговаривались. Если бы кто-нибудь умел понимать язык старых елей, он узнал бы, что говорили они вот что: впервые за много-много лет из избушки на поляне вышли дети. Двое. Но ели не радовались. Ели были старые и умные, и они видели, какими эти дети вышли.

Скоро зарево за спиной стало совсем слабым, а потом его закрыли стволы, и двое детей пропали в темноте леса.

* * *

Если бы кто-нибудь в ту ночь мог заглянуть дальше, за край этого леса и за край всякой ночи, он бы увидел две свечи на чёрном.

Слева стояла обычная восковая свеча. Пламя у неё было яркое, золотое, и оно чуть-чуть дрожало.

Справа стояла другая, тонкая, ажурная, вся вырезанная из прозрачного голубоватого льда. Сквозь неё было видно темноту. Она не горела. Ей нечем было гореть.

Пламя первой свечи качнулось. Лёд второй остался неподвижным.

Глава 2. Элиза

Лес не кончался.

Если бы лес умел говорить, он рассказал бы, что двое детей шли через него пять дней и пять ночей. Что мальчик всё время что-то говорил, а девочка всё время молчала. Что у мальчика на ладони горел огонёк и он не гас ни под дождём, ни на ветру. И что у девочки за спиной на траве оставались белые следы, будто там прошёл кто-то, кто приносит с собой зиму. Но лес не умеет говорить. Поэтому рассказывать буду я.

Джек давно перестал понимать, в какую сторону они идут. Он шёл туда, где деревья стояли реже, и вёл сестру за руку. Одежда у обоих висела лохмотьями, ноги были в царапинах, животы прилипли к спине. Ели они то, что находили: кислые ягоды, сырые грибы, однажды птичье яйцо, одно на двоих.

— Будешь? — спросил Джек и протянул ей половину.

— Нет.

— Ты три дня не ела.

— Мне не хочется.

— Тебе никогда не хочется.

— Мне никак, — сказала Джилл. — Я же говорила.

Она говорила это уже много раз, и каждый раз одинаково, ровным голосом, как говорят «идёт дождь» или «вот дерево». Джек съел яйцо сам. Ему было стыдно, что он хочет есть, а она нет.

Ночью он разводил костёр. Не нужно было ни огнива, ни сухих веток: он просто клал ладонь на кучу мокрого хвороста, и хворост вспыхивал. Джеку это нравилось. Очень нравилось. Иногда он нарочно поджигал что-нибудь ещё: пень, сухую траву, старую сосну, и смотрел, как она горит, и внутри у него становилось тепло и весело. А под рёбрами в это время кто-то шевелился. Холодный, тихий. Довольный.

— Зачем ты сосну поджёг? — спросила как-то Джилл.

— Так. Красиво.

— Там гнездо было.

Джек посмотрел на горящую сосну. Он не заметил гнезда. И, что было хуже, ему было почти всё равно.

Почти.

Джилл садилась у костра, но не грелась. Она смотрела в огонь своими новыми голубыми глазами, и пламя в них отражалось и тут же гасло, как будто проваливалось в прорубь. Утром на месте, где она сидела, оставался иней.

— Джилл, — сказал однажды Джек. — Ты на меня злишься?

— Нет.

— За то, что я… ну. За то, что так вышло.

— Ты меня вернул, — сказала Джилл. — Как я могу злиться.

— А ты рада? Что вернул?

Джилл подумала. Долго, честно, как думают дети, когда им задают очень трудный вопрос.

— Я не знаю, — сказала она. — Я не помню, как это — радоваться.

Джек отвернулся, чтобы она не видела его лица. Хотя она, наверное, всё равно бы не поняла, что на нём написано.

* * *

На пятую ночь поднялся туман.

Он лёг между стволами низко, по пояс, и дальше пяти шагов ничего не было видно. Костёр Джека шипел и плевался искрами. Джилл сидела, обхватив колени, и вдруг подняла голову.

— Джек. Слышишь?

Где-то в тумане кричала женщина.

Не звала, не пела. Кричала так, как кричат, когда уже не надеются, что услышат. И сквозь крик было слышно другое: рычание. Низкое, многоголосое, будто рычал сам лес.

— Волки, — сказал Джек.

Он вскочил. Джилл тоже.

— Это не наше дело, — сказал Джек и сам удивился своим словам. Раньше, до подвала, он бы так не сказал. Раньше он бы уже бежал. — Пусть сама.

— Её же съедят, — сказала Джилл.

— Нас тоже съедят.

— Нас не съедят, — сказала Джилл ровным голосом. — Мы теперь не такие.

И пошла в туман, на крик, не оглядываясь. Джек выругался и побежал за ней.

* * *

Поляна открылась внезапно, будто туман расступился нарочно, чтобы им было видно.

Посреди поляны, прижавшись спиной к старой сосне, стояла женщина. В руке у неё был факел, и пламя у него было маленькое, чадящее, такое, каким не напугаешь и кошку. Вокруг неё полукругом стояли волки. Пять. Нет, семь. Они не торопились. Они обходили её медленно, опустив головы, и самый крупный, с седой полосой вдоль хребта, припал к земле, готовясь прыгнуть.

— Эй! — заорал Джек. — Эй, вы! Пошли вон!

Волки обернулись. Все разом. Семь пар жёлтых глаз.

Джек выбросил вперёд руку. На ладони вспыхнул огонь, маленький, как от лучины, мигнул и погас. Джек тряхнул рукой, попробовал ещё раз. Дымок. Пять дней без еды, пять ночей без сна, и огонь внутри у него тоже устал и не хотел выходить.

— Ну давай, — шептал он своим ладоням. — Давай же. Давай!

Под рёбрами шевельнулось холодное. Ему было любопытно, чем всё кончится. Но помогать оно не спешило.

Вожак развернулся к Джеку. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

Тогда Джилл присела и ударила ладонью о землю.

Иней рванулся от её руки по траве белой волной, быстро, со звоном, и под лапами у ближних волков трава захрустела и обледенела. Один волк взвизгнул и отскочил, тряся лапой. Джек заорал, сжал кулаки, и из них наконец вырвалось пламя, не стена и не поток, а так, клочок огня размером с шапку, но он полетел вперёд и упал в траву перед мордой вожака и вспыхнул.

Вожак отпрянул.

А потом посмотрел на женщину у сосны.

Не на огонь. Не на Джилл. На неё. Прямо ей в глаза. И Джек, который запомнил потом этот миг на всю жизнь, хоть и не понял его тогда, увидел, как шерсть на загривке у большого седого волка медленно опускается, как прижимаются уши. Так прижимает уши собака, когда хозяйка застала её за чем-то нехорошим. Волк попятился. Один шаг, второй. Потом повернулся и ушёл в туман, и стая потекла за ним, серая, бесшумная, будто её и не было.

Слишком быстро ушла. Слишком послушно. От такого огонька, как у Джека, настоящая стая не ушла бы. Джек это знал: на скотном дворе за рекой волки однажды задрали телёнка, и хозяин с вилами и факелом не смог их отогнать.

Но он был одиннадцатилетним мальчишкой, который только что прогнал семерых волков. И ему было некогда думать.

— Видала? — сказал он сестре, задыхаясь. — Видала, как они от меня?

— От нас, — сказала Джилл.

— Ну, от нас.

* * *

Женщина у сосны опустила факел. Руки у неё дрожали. Она сползла по стволу на землю и сидела так, прижимая факел к груди, и смотрела на них.

Лицо у неё было усталое, немолодое и доброе. Тёмные волосы выбились из-под капюшона. А глаза были серые, тёплые, как печная зола, в которой ещё тлеют угли. Она смотрела на детей долго, сначала на одного, потом на другую. Так долго, что Джеку стало неловко.

— Ох, — сказала она тихо. — Ох, бедные вы мои.

— Это вы бедная, — сказал Джек. — Вас чуть не съели.

— Чуть не съели, — согласилась женщина. Голос у неё дрогнул. Джек подумал, что это от страха. — Если бы не вы… Вы же меня спасли. Двое детей. Совсем одни, ночью, в лесу, и спасли.

Она поднялась, отряхнула плащ и подошла к ним. Опустилась на колени, прямо в мокрую траву, чтобы быть с ними вровень.

— Как вас зовут, спасители?

— Джек, — сказал Джек и выпятил грудь. — А это моя сестра Джилл. Я старший.

— На целых пять минут, — сказала женщина и улыбнулась.

Джек замер.

Он не говорил ей про пять минут. Он вообще никому никогда не говорил про пять минут, кроме Джилл. Это была их шутка. Их, и больше ничья.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Женщина на мгновение перестала улыбаться. Совсем на мгновение, так быстро, что Джек потом думал, будто ему показалось.

— Все старшие братья так говорят, — сказала она. — Про пять минут или про десять. У меня у самой был брат. — Она посмотрела на их лохмотья, на босые ноги Джилл, на впалые щёки Джека. — Где ваш дом? Я вас провожу.

— Нету дома, — сказал Джек.

— А мама с папой?

Джек промолчал. Джилл тоже.

Женщина вздохнула. Будто ничего другого и не ждала.

— Тогда так, — сказала она. — Вы спасли мне жизнь. А я в долгу оставаться не люблю. Мой дом недалеко, у самой опушки. Там печь, и похлёбка, и тёплые одеяла. Пойдёмте ко мне. Хоть на одну ночь. А там видно будет.

Она протянула им обе руки.

Дети переглянулись.

Джек помнил другие руки, которые тянулись к ним в лачуге. Сухие, с жёлтыми ногтями. Он помнил ласковый голос и корзину с пирогом. Он помнил всё. И он не хотел брать эту руку.

Но Джилл взяла.

Джилл, которой было никак, которая пять дней не ела, не плакала и не радовалась, вдруг протянула свою ледяную ладошку и положила её женщине в руку. Сама. Никто её не просил.

Женщина вздрогнула от холода. Но руку не отдёрнула. Наоборот, сжала крепче и накрыла второй ладонью сверху, как накрывают птенца, выпавшего из гнезда.

— Совсем замёрзла, — сказала она.

— Мне не холодно, — сказала Джилл.

— Я знаю, — сказала женщина. — Знаю, родная. А всё-таки замёрзла.

Джек немного подождал. Посмотрел на сестру, на её руку в чужих тёплых руках. Подумал, что эту женщину они спасли сами, а значит, она не может быть такой, как старуха. Старуху никто не спасал. Старуха сама приходила.

И взял тоже.

Так всё и вышло. Это они пришли ей на помощь. Так они и думали потом шесть долгих лет. И это было самое правильное, что можно было придумать, если хочешь, чтобы двое детей, которых однажды уже обманули, поверили тебе снова. Не спасай их. Дай им спасти тебя.

* * *

Дом стоял на краю деревни, у самого леса. Небольшой, деревянный, с низкой крышей, с поленницей у стены и старым дубом у крыльца. Когда они пришли, уже светало, и над трубой поднимался дымок, будто дом ждал их и заранее растопил печь.

— Это твой дом? — спросил Джек.

— Мой, — сказала женщина. — Меня зовут Элиза.

— А ты там одна живёшь?

— Жила одна, — сказала Элиза и открыла дверь.

Внутри было тепло. Не так, как у старухи, где тепло было слишком густым и пахло травами, от которых кружилась голова. Здесь тепло было простое, домашнее. Пахло дымом, сушёными яблоками и хлебом. В камине горел огонь. На полу лежала потёртая медвежья шкура, на стене висели пучки лука и связка красного перца, на столе стояла глиняная кружка с отбитой ручкой.

Джек остановился на пороге и не пошёл дальше.

— Ты чего? — Элиза обернулась.

— Ничего.

Он смотрел на котелок над огнём. Котелок булькал. Джек сглотнул и не двинулся с места.

Элиза проследила за его взглядом. Подошла к котелку, зачерпнула половником, подула и попробовала сама. При нём. Медленно, чтобы он видел.

— Похлёбка с перловкой, — сказала она. — Пересолила немножко. Я всегда пересаливаю, когда тороплюсь. Будешь?

Джек сглотнул ещё раз.

— Ты первая ешь, — сказал он. — Из одной миски с нами.

Если Элизу и удивила такая просьба, она этого не показала. Она налила одну большую миску, села с ними за стол и съела первую ложку. Потом вторую. Потом протянула ложку Джеку.

Джек ел так, что обжёг язык и не заметил. Элиза сидела напротив, подперев щёку рукой, и смотрела, как он ест. И ни разу не сказала «кушай, свинка». Ни разу не сказала «поправляйся». Она только один раз подвинула к нему хлеб, когда он потянулся, а он не доставал.

Джилл съела три ложки. Потом положила ложку на стол.

— Невкусно? — спросила Элиза.

— Не знаю, — сказала Джилл. — Я не чувствую.

Элиза помолчала. Потом встала, достала с полки тёплое шерстяное одеяло, колючее и толстое, и укутала в него Джилл с головой, так что наружу торчали только белые волосы и кончик носа.

— Мне не холодно, — сказала Джилл из одеяла.

— Это ничего, — сказала Элиза. — Это не от холода. Это просто так. Чтобы было.

И Джилл не стала вылезать.

* * *

Джек сел у камина, поближе к огню. Огонь нравился ему больше, чем что-либо на свете, и он смотрел на него, как другие мальчишки смотрят на лошадей или на ножики. Полено в очаге прогорело посередине и с треском осело на угли. Джек дёрнул рукой от неожиданности.

И пламя в камине поднялось за его рукой. Потянулось к ней, как собака тянется к хозяину.

Он сразу спрятал ладонь за спину.

Элиза это видела. Она стояла у стола с половником и смотрела на него. Джек ждал, что она закричит. Или выгонит их. Или схватит кочергу. В деревне на реке за такое закидали бы камнями, он это знал.

Она не сделала ни того, ни другого. Не отошла ни на шаг.

— Ну, — сказала она спокойно. — Огонь тебя любит. Это хорошо. Хуже, когда наоборот.

— Ты не боишься?

— Тебя? — Элиза улыбнулась. — Нет, Джек. Тебя я не боюсь.

— А зря, — буркнул Джек. — Я избушку сжёг. Вместе с…

Он осёкся.

— Вместе с кем? — спросила Элиза.

Джек посмотрел на неё. Она стояла и ждала. Не торопила.

— Ни с кем, — сказал он.

— Хорошо, — сказала Элиза. — Не рассказывай, если не хочешь.

Из-под одеяла высунулась тонкая белая рука и потянулась к кувшину с водой. Едва пальцы Джилл коснулись глины, по кувшину побежала тонкая ледяная корка, и вода внутри хрустнула и застыла.

Джилл отдёрнула руку и спрятала её обратно под одеяло. Посмотрела на Элизу. Это был первый раз за пять дней, когда Джек увидел у неё в глазах хоть что-то. Совсем немного. Будто под толстым льдом мелькнула рыбка.

Это был страх.

Элиза подошла, присела перед ней и нашла под одеялом её руку. Накрыла своей ладонью. Рука у Элизы была тёплая.

— Никто здесь тебя не обидит, — сказала она. — Слышишь? Никто. И тебя, Джек. Но вы должны пообещать мне одну вещь.

— Какую? — спросил Джек.

— Никому не показывайте то, что умеете. Никому в деревне. Ни соседям, ни детям, ни старосте. Люди не любят того, чего не понимают. А чего боятся, то хотят сжечь.

— Пусть попробуют, — сказал Джек. — Я сам их…

— Джек.

Она сказала это тихо, но так, что он замолчал.

— Обещайте.

— Обещаю, — сказала Джилл из одеяла.

— Ладно, — сказал Джек. — Обещаю.

* * *

Той ночью дети спали на печи, под одним одеялом, прижавшись друг к другу, как в подвале. Джек долго не мог уснуть. Он лежал и слушал, как Элиза ходит внизу, как моет миску, как подбрасывает полено. Ждал, что она поднимется по лесенке и спросит. Откуда вы? Кто ваша мать? Что за избушка? Где вы взяли эти волосы и этот огонь?

Она не спросила.

Ни в ту ночь, ни на следующий день, ни через неделю.

— Почему ты не спрашиваешь, откуда мы? — не выдержал наконец Джек.

Элиза в это время штопала его рубашку у окна. Она перекусила нитку и подняла на него глаза.

— А надо?

— Все спрашивают.

— Захотите, сами расскажете, — сказала Элиза и снова склонилась над рубашкой.

Если бы Джек был постарше, он бы, может быть, задумался: отчего так? Отчего женщина, которую двое оборванных детей отбили у волков, один огнём, а другая инеем, ни разу не спро-

сила, откуда они взялись и откуда у них такое? Отчего она не удивилась ни огню, ни льду? Отчего она знала про пять минут?

Но Джеку было одиннадцать лет. В доме было тепло. На столе был хлеб, и его можно было есть, сколько хочешь, и никто не забирал за это гроши. А когда тебе одиннадцать и ты впервые за пять лет сыт, ты не задаёшь лишних вопросов. Ты боишься, что, если спросишь, всё это исчезнет.

* * *

Первая зима была трудной.

Джилл не спала по ночам. Вернее, спала, но во сне от неё шёл холод, и к утру одеяло покрывалось изморозью, а на брёвнах над печью нарастал иней, пушистый и белый, как мох. Джек просыпался и трясся, зубы у него стучали, и он сползал с печи греться к камину.

На третью ночь Элиза поднялась к ним по лесенке, легла с краю, рядом с Джилл, и обняла её. Просто обняла, через одеяло, и лежала так до утра.

Утром у Элизы на ресницах и в волосах был иней. Губы посинели. Она сползла с печи, долго растирала руки у огня и кашляла.

— Ты зачем? — спросил Джек. — Ты же замёрзла вся.

— Ничего, — сказала Элиза. — Отогреюсь. А она пусть знает, что рядом кто-то есть.

— Она не знает. Она спала.

— Знает, — сказала Элиза. — Даже во сне знает.

И на следующую ночь снова легла с краю. И на следующую. И так всю зиму. И Джек заметил, что иней по утрам становится тоньше. Сначала на палец. Потом на полпальца. А к весне его не стало совсем, только на подушке у Джилл, где она дышала, оставалось маленькое белое пятнышко.

Джек тоже не спал. Ему снился подвал. Решётка. Алтарь. Нож. Он просыпался с криком, и иногда, проснувшись, видел, что одеяло под его руками тлеет и дымится. Однажды оно загорелось по-настоящему, ярким весёлым огнём, и Джилл даже не проснулась, а Джек сидел и смотрел, как горит, и не мог пошевелиться, потому что во сне он всё ещё был у решётки.

Элиза влетела по лесенке с ведром воды. Залила одеяло. Потом залила Джека, с головы до ног. Потом отбросила ведро, схватила его, мокрого, дрожащего, и прижала к себе.

— Тихо, — сказала она. — Тихо. Я тут. Это сон. Это уже было и прошло.

— Она её убила, — сказал Джек ей в плечо. Он не собирался этого говорить. Само вырвалось. — Она её убила, а я смотрел.

Элиза ничего не ответила. Только прижала крепче. Джек чувствовал, как у неё дрожат руки. Сильно дрожат. Сильнее, чем у него.

— Я знаю, — прошептала она так тихо, что он не был уверен, что расслышал. — Знаю, мой хороший. Прости.

— За что? — спросил Джек. — Ты же не виновата.

Элиза не ответила. Она гладила его по мокрым волосам до самого утра.

* * *

Весной Элиза повесила на дубе у крыльца качели.

Это была простая доска на двух толстых верёвках, привязанных к самой нижней ветке. Элиза сама лезла на дуб, в юбке, с верёвкой в зубах, а дети стояли внизу и смотрели на неё, задрав головы.

— Упадёшь, — сказал Джек.

— Не упаду. Я в детстве по деревьям лазила лучше мальчишек.

— Врёшь.

— Сам ты врёшь. Держи доску.

Качели получились кривые: одна верёвка длиннее другой, и доска висела под углом. Элиза посмотрела, покачала головой и засмеялась.

— Ну вот. Зато своё. Садитесь.

— Оба? — удивился Джек.

— Оба. Вы же вместе. Всегда вместе.

Они сели на доску, тесно, плечом к плечу. Джек вцепился в одну верёвку, Джилл в другую. И Элиза толкнула.

Качели взлетели. Дуб качнулся над головой, небо прыгнуло навстречу, ветер ударил в лицо. Джек ахнул. Внизу мелькнула Элиза, её улыбка, её руки, которые ждали, чтобы толкнуть ещё. Качели пошли назад, и вниз, и снова вверх, выше, выше, так что у Джека захватило дух и ухнуло в животе, как бывает только в детстве и больше никогда.

И тут Джилл засмеялась.

Джек сначала не понял, что это. Он никогда не слышал такого звука. Вернее, слышал когда-то давно, в другой жизни, когда отец подбрасывал их к потолку. Звонкий, тонкий, как колокольчик, как ручей подо льдом весной. Джилл смеялась. Она запрокинула голову, белые волосы летели по ветру, глаза были зажмурены, и она смеялась, смеялась, смеялась.

Джек так удивился, что чуть не выпустил верёвку.

Элиза внизу остановилась. Опустила руки. Качели качнулись ещё раз сами по себе и пошли тише. А Элиза стояла и смотрела на Джилл, и Джек увидел, что она плачет. Стоит, улыбается и плачет, и даже не вытирает слёз.

— Ещё, — сказала Джилл. — Ещё, Элиза! Выше!

И Элиза толкнула ещё.

А у Джека под рёбрами в эту минуту шевельнулось холодное. Шевельнулось недовольно, как шевелится хозяин, когда в его доме без спроса открыли окно. Джек почувствовал это так ясно, что поёжился. И ещё увидел, как Джилл на мгновение схватилась рукой за грудь, за то место, где под рубашкой был тонкий голубой след от ножа. Схватилась, поморщилась. И снова засмеялась.

Видите ли, Сущность взяла у них почти всё. Девять частей из десяти, а может, и больше. Так берут, когда забирают дом за долги: и стол, и лавки, и печку, и даже занавески. Но одну маленькую комнатку она им оставила. Совсем маленькую, в самом углу. И вот что удивительно: в этой маленькой комнатке оказалось столько тепла, сколько не во всяком большом доме. Потому что дети, у которых отняли почти всё, любят тем, что осталось, изо всех сил. Больше, чем любят те, у кого есть всё.

* * *

Летом Джек впервые сказал «домой».

Они возвращались с Элизой с ярмарки в соседнем селе. Джек тащил мешок с мукой, Джилл несла корзину с нитками, а Элиза шла впереди с новым котелком. Было жарко, пыльно, ноги гудели.

— Скорей бы домой, — сказал Джек.

И сам остановился посреди дороги.

Элиза тоже остановилась. Обернулась. Ничего не сказала. Только посмотрела на него так, что Джек покраснел до ушей и уставился в пыль.

— Ну чего, — буркнул он. — Ну оговорился.

— Ничего, — сказала Элиза. — Пойдём домой, Джек.

Джилл шла рядом и тихо улыбалась. Она теперь улыбалась. Не часто, не всем, только им двоим, Элизе и брату. Но улыбалась.

* * *

Зимой Элиза учила их.

Сначала грамоте. Она достала из сундука старую книгу с медными застёжками и показывала им буквы, водя пальцем по строчкам. Джек ёрзал, зевал и считал мух. Джилл сидела не шевелясь и запоминала с первого раза.

— Это «А», — говорила Элиза. — Как «Аист».

— Как «Алтарь», — сказала Джилл.

Элиза замолчала. Джек перестал ёрзать.

— Можно и так, — сказала наконец Элиза. — А можно «Аист». Давай лучше «Аист».

К весне Джилл читала. К лету читала бегло, все книги, какие были в доме, а их было много, целая полка. Однажды она сидела над книгой у окна и вдруг подняла голову.

— Элиза, — сказала она. — Там, в подвале… на стене были буквы. Кто-то нацарапал. Мы не умели читать.

Элиза мыла посуду. Руки у неё остановились в воде.

— Я всё думаю, что там было написано, — сказала Джилл. — Если бы я тогда умела. Если бы прочитала.

— Не думай об этом, — сказала Элиза, не оборачиваясь. — Внизу у пола было темно, ты бы всё равно не разобрала.

Джилл кивнула и снова уткнулась в книгу.

А Джек, который сидел у камина и строгал палку, вдруг поднял голову. Они никогда не говорили Элизе, что буквы были внизу. У самого пола. Они вообще ничего не рассказывали ей про подвал.

Он посмотрел на Элизу. Она стояла к нему спиной, и руки её всё ещё лежали в воде неподвижно.

Джек открыл рот, чтобы спросить. И закрыл. Потому что в доме было тепло, и на столе был хлеб, и Джилл улыбалась. А когда тебе двенадцать лет и у тебя наконец есть дом, ты не задаёшь лишних вопросов.

* * *

Потом Элиза стала учить их другому.

Джек часами сидел у окна и держал над ладонью пламя. Маленькое, с орех. Не больше. Это было труднее всего на свете.

— Ну вот, — говорила Элиза, глядя, как пламя у него в руке раздувается до размеров кочана капусты. — Опять.

— Оно само!

— Ничего оно не само. Сжечь полено может любой дурак с огнивом. А ты попробуй не сжечь.

— Зачем не сжигать, если можно сжечь?

— Затем, что настоящая сила не в том, чтобы сжечь, — сказала Элиза. — А в том, чтобы удержать.

Джек злился. Пламя вспыхивало у него в руке до потолка, Элиза отскакивала, ругалась и сбивала его мокрой тряпкой, и Джек начинал сначала. С орех. С орех. С орех.

У Джилл было наоборот. Она замораживала воду в деревянной чаше, и лёд выходил сразу и весь, вода вздувалась, и чаша трескалась с сухим щелчком.

— Ох ты, — вздыхала Элиза и шла за новой чашей. — Это уже пятая за неделю. Скоро есть будет не из чего.

— Я не могу остановить, — говорила Джилл. — Он идёт и идёт.

— А ты не останавливай. Ты придерживай. Как вожжи. — Элиза брала её за кисть, тёплыми пальцами, и чуть поворачивала. — Вот так. Чувствуешь? Холод как лошадь. Его не надо бить. Его надо вести.

Джилл повторяла. Снова трескалась чаша. Элиза приносила новую.

Через два года у Джилл получалось заморозить в чаше одну-единственную снежинку, тонкую, ажурную, и та висела в воде, медленно поворачиваясь, и не таяла. А у Джека получалось держать на ладони пламя размером с орех целый час. Иногда он нарочно делал его ещё меньше, с горошину, и показывал Элизе, и Элиза хлопала в ладоши, как девочка.

* * *

В тот год в деревне мальчишки начали дразнить их.

Не сильно. Как дразнят всех, кто не такой. Джилл звали «белой», «мертвячкой» и «седой бабкой», потому что у неё были белые волосы и никогда не было румянца. Джека звали «ведьминым подкидышем».

— А где твоя ведьма? — кричал рыжий Мартин, сын мельника. — Она вас на помойке нашла, да? Подкидыши! Подкидыши!

Джек остановился.

Он стоял посреди деревенской улицы с ведром воды в руке, а Мартин и ещё трое мальчишек стояли у забора и ржали. И Джек почувствовал, как под рёбрами просыпается холодное. Не шевелится. Просыпается. Поднимает голову.

И тихо, ласково, совсем как старуха над миской супа, говорит ему изнутри: «Сожги».

Пальцы Джека, сжимавшие дужку ведра, задымились. Вода в ведре зашипела и пошла паром.

«Сожги их. Ты же можешь. Ты же хочешь. Посмотри, как он смеётся. Сожги, и он больше никогда не будет смеяться».

Джек хотел. Он хотел так сильно, что у него потемнело в глазах. Ему уже виделось, как вспыхивает рыжая голова Мартина, как он визжит, как остальные разбегаются, и ему было от этого весело, весело и тепло, как тогда, в горящей избушке.

На плечо ему легла рука.

Элиза. Откуда она взялась, Джек не понял. Она просто стояла рядом, с корзиной белья, и держала его за плечо. Крепко.

— Пойдём, — сказала она негромко. — Пойдём домой, Джек.

Мальчишки у забора притихли. Элизу в деревне побаивались. Никто не знал почему, но побаивались.

Джек пошёл. Ведро в его руке перестало дымиться. А под рёбрами холодное медленно опустило голову и улеглось. Недовольное. Голодное.

* * *

Вечером они сидели у камина втроём. Элиза пряла, Джилл сидела рядом с ней на лавке и сматывала нитки в клубок. Джек подбрасывал поленья и молчал.

— Я хотел их сжечь, — сказал он наконец. — Мартина и всех. Я правда хотел.

Элиза перестала прясть.

— Я знаю.

— Не только я хотел. — Джек смотрел в огонь. — Внутри что-то есть. Оно говорит. Оно сказало: «сожги». И мне было весело, когда я представил. Весело, понимаешь? Я чудовище, да?

Элиза долго молчала. Веретено лежало у неё на коленях неподвижно.

— Не слушай его, — сказала она тихо.

— Кого?

Элиза на миг растерялась. Совсем на миг.

— Злость, — сказала она. — Злость всегда говорит чужим голосом, Джек. Будто кто-то другой шепчет. Так у всех бывает.

Она отложила веретено и долго смотрела на них обоих. На Джека у огня, на Джилл с клубком.

— Ваша сила не делает вас чудовищами, — сказала она. — Слышите? Ни тебя, ни её. Важно только то, как вы ею распорядитесь. Только это. Всегда.

Джек ничего не ответил и подбросил в огонь полено. Джилл положила голову Элизе на плечо.

* * *

А однажды ночью Джилл проснулась от того, что ей снился алтарь.

Она не закричала. Она теперь никогда не кричала. Просто открыла глаза и лежала, глядя в потолок, а иней вокруг неё полз по одеялу, по брёвнам, по краю печи, всё дальше и дальше, как в ту ночь в подвале.

Элиза поднялась к ней по лесенке. Легла рядом, как в первую зиму. Обняла. И вдруг тихонько запела:

Утка шла по бережку,
По песочку, по лужку,
А лиса за ней тихонько,
Рыжим хвостиком легонько…

Джилл замерла.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она. — Это мамина песня. Это мама нам пела.

Элиза запнулась. Совсем ненадолго.

— Её все матери в округе поют, — сказала она. — Старая песня. Её моя бабушка пела, и её бабушка. Хочешь, допою?

— Хочу.

И Элиза допела. Всю, до последнего куплета, тихо, в самое ухо, и голос у неё был тёплый и немного хриплый, совсем не такой, как у мамы, и всё-таки такой же.

Баю-баю, спите, птахи,
Не бывает в мире страха,
Если крылышки при вас:
Улетите в добрый час.

Джилл заплакала.

Впервые с той ночи в подвале. Слёзы катились по её фарфоровым щекам, и на щеках застывали, и падали на подушку крошечными ледяными бусинками, и звенели. Элиза собирала их пальцами и грела в ладони, и они таяли и становились обычной водой.

— Мама, — сказала Джилл сквозь сон, уже засыпая. — Мама…

Элиза перестала дышать.

Джек лежал рядом и не спал. Он видел, как Элиза закрыла глаза. Как у неё задрожали губы. Как она уткнулась лицом в белые волосы Джилл и долго лежала так, не шевелясь.

— Спи, моя девочка, — прошептала она наконец. — Спи. Я тут.

И не поправила её.

* * *

День, когда они пришли к Элизе, она назначила их днём рождения.

— Вы же не знаете, когда родились, — сказала она. — Так пусть будет этот. Вы же в этот день, считай, второй раз и родились.

И каждый год в этот день она пекла пирог. С яблоками и мёдом. Такой, какой Джилл когда-то хотела в подвале. Джек ни разу не рассказывал ей про тот разговор о печёных яблоках. Он уже и не удивлялся. Он просто ел пирог и думал, что Элиза, наверное, умеет читать мысли. Все хорошие матери, наверное, немножко умеют.

На четвёртый год Джек вырезал ей из липы птицу. Он резал её всю осень по вечерам, тайком, в сарае, и порезал все пальцы. Птица вышла кривоватая, с толстым клювом и одним крылом длиннее другого. Джилл сплела ей венок из сухих трав, тех самых, которые Элиза научила её собирать: мята, зверобой, чабрец, ромашка.

Элиза долго держала птицу в руках. Поворачивала. Гладила пальцем кривое крыло.

— Это утка, — пояснил Джек. — Та самая. Которая улетела.

Элиза поставила птицу на полку над камином, рядом с книгой с медными застёжками. Надела венок. И вдруг закрыла лицо руками.

— Ты чего? — испугался Джек. — Не нравится? Я переделаю.

— Нравится, — сказала Элиза сквозь пальцы. — Очень нравится. Это лучший подарок за всю мою жизнь. За всю мою длинную, глупую жизнь.

Она отняла руки от лица и улыбнулась им, мокрыми глазами.

— Я вас люблю, — сказала она. — Обоих. Запомните это. Что бы ни случилось. Что бы вы потом обо мне ни узнали. Запомните, что я вас любила.

— А что мы о тебе узнаем? — спросила Джилл.

Элиза засмеялась и махнула рукой.

— Что я пироги пересаливаю. Ешьте давайте.

* * *

Иногда по ночам Элиза не спала.

Джилл видела это. Она теперь спала чутко и часто просыпалась, и тогда видела Элизу у окна. Та сидела на лавке, закутавшись в платок, и смотрела в темноту, туда, где за деревьями был Чёрный лес. Иногда она плакала. Беззвучно, как плачут взрослые, когда думают, что их никто не видит.

Однажды Джилл слезла с печи и села рядом.

— Тебе плохое приснилось?

Элиза вздрогнула, торопливо вытерла глаза.

— Ты чего не спишь?

— Тебе плохое приснилось, — повторила Джилл. Это был не вопрос.

Элиза помолчала.

— Мне иногда снятся сны, — сказала она наконец. — Такие, которые потом сбываются. Это у меня с детства.

— Это же хорошо. Можно знать заранее.

— Нет, родная. — Элиза покачала головой. — Это совсем не хорошо. Знать заранее и ничего не мочь. Это хуже всего на свете.

Джилл подумала про портрет отца над очагом в лачуге. Который всё видел и ничего не мог.

— А про нас снилось? — спросила она.

— Снилось.

— Хорошее?

Элиза не ответила. Она обняла Джилл и прижала к себе так крепко, что Джилл стало трудно дышать. И сидела так до рассвета, раскачиваясь, как качают маленьких.

* * *

Так прошло шесть лет.

Джек вытянулся, раздался в плечах. Топор, который в первую зиму был ему не по силам, теперь ходил у него в руках легко, будто ничего не весил. Деревенские девушки поглядывали на него из-за заборов, а он делал вид, что не замечает, и краснел. Голос у него сломался, и Элиза долго смеялась, когда он однажды начал фразу басом, а закончил петухом.

Джилл стала высокой, тонкой и тихой. Белые волосы она заплетала в длинную косу до пояса. Она по-прежнему почти не улыбалась чужим. Но дома, с ними, она улыбалась. И иногда, совсем редко, смеялась. Каждый раз, когда это случалось, Элиза замирала и слушала, как слушают первую весеннюю птицу.

Весной Джек рубил дрова. Летом Джилл уходила с Элизой в лес собирать травы, и Элиза знала каждую поляну на день пути вокруг и учила её, что от лихорадки, что от кашля, а что лучше не трогать вовсе. Осенью они втроём сидели за столом и смеялись над чем-нибудь, и Джек потом не мог вспомнить, над чем. Помнил только, что смеялись.

А под рёбрами у Джека всё это время спало холодное. Спало чутко, вполглаза. Оно не мешало. Оно ждало. Оно умело ждать. У него было много времени, гораздо больше, чем у Элизы.

* * *

Накануне того дня Элиза весь вечер была странная.

Она испекла пирог, хотя никакого праздника не было. Она достала из сундука новую рубашку для Джека, которую, оказывается, шила тайком всю зиму, и тёплую шаль для Джилл, синюю, как вечернее небо. Она смеялась больше обычного и говорила больше обычного, и всё время трогала их: то поправит Джеку ворот, то погладит Джилл по косе.

— Ты чего такая? — спросил Джек.

— Какая?

— Как будто прощаешься.

Элиза засмеялась.

— Глупости. Ешь пирог.

Ночью Джилл проснулась. Элиза сидела на краю печи, у них в ногах, и смотрела на них. Просто смотрела. В темноте, при угасающем огне. Лицо у неё было мокрое.

— Элиза? — прошептала Джилл.

— Спи, — сказала Элиза. — Спи, родная. Я просто посмотреть.

— На что?

— На вас. Хочу запомнить.

Джилл хотела спросить, зачем запоминать, если они и так всегда рядом. Но Элиза положила ей ладонь на лоб, тёплую, тяжёлую, и Джилл сама не заметила, как уснула.

* * *

В то утро Элиза встала раньше всех. Когда Джек спустился, она уже надевала плащ, старый, дорожный, серый. На лавке у двери стояла её небольшая сумка.

Джек встал в дверях.

— Ты опять в Чёрный лес?

— Мне нужно кое-что проверить, — сказала Элиза, не глядя на него. Она завязывала тесёмки плаща, и пальцы у неё путались. — Я скоро вернусь.

— Что проверить?

— Кое-что. Травы. Одно место.

— Ты в прошлый раз тоже за травами ходила. На три дня. И вернулась белая, как Джилл.

— Джек.

— Я с тобой пойду.

— Нет.

Джилл вышла из-за занавески, на ходу заплетая косу.

— Мы можем пойти с тобой, — сказала она. — Мы теперь умеем. Мы поможем.

— Нет. — Элиза покачала головой. — На этот раз оставайтесь дома. Слышите? Дома.

— Почему?

— Потому что я так прошу.

Она сказала это так, что спорить стало нельзя. Джек и не стал. Он только смотрел, как она берёт сумку, как оглядывает комнату: камин, полку, деревянную утку над очагом, книгу с медными застёжками. Так оглядывают дом, в который не надеются вернуться. Но Джек тогда этого не знал. Он думал, что так оглядывают дом, который не хочется оставлять даже на день.

Элиза обняла их обоих. Сначала Джилл, долго, уткнувшись лицом ей в волосы. Потом Джека. Крепче обычного. Дольше обычного. Так крепко, что у Джека хрустнуло в плече.

— Слушайтесь друг друга, — сказала она ему в ухо. — Берегите друг друга. Вы друг у друга есть. Это самое главное. Это важнее всего, что у вас было и будет. Важнее меня.

— Ты чего, — сказал Джек и попытался засмеяться. — Ты же на три дня.

— На три дня, — повторила Элиза. — Конечно.

Она отпустила его. Посмотрела на них ещё раз, на обоих. Будто хотела что-то сказать. Губы у неё дрогнули.

— Я… — сказала она.

И не договорила.

Взяла сумку и ушла по лесной тропе. Не оборачиваясь. Джек стоял на крыльце, пока её серый плащ не скрылся за деревьями. Качели на дубе тихонько поскрипывали на ветру.

* * *

К вечеру она не вернулась.

— Она же сказала, три дня, — сказал Джек.

— Сказала, — согласилась Джилл.

На третий день она не вернулась.

На четвёртый тоже.

Ночью они не ложились. Джилл сидела за столом, положив руки на синюю шаль, и смотрела на дверь. Джек ходил от окна к двери и обратно. От окна к двери. Свеча на столе прогорела до конца, фитиль утонул в воске и погас, и Джек даже не стал зажигать новую. Он мог бы зажечь её щелчком пальцев. Но не стал.

— Может, она заблудилась? — сказала Джилл.

— Она там каждую тропку знает.

— Может, она ногу подвернула. Сидит где-нибудь и ждёт.

— Может.

— Может, её волки…

— Её волки не тронут, — сказал Джек. — Ты же видела, как вожак тогда на неё смотрел. Её волки слушаются.

Джилл замолчала. Потом сказала очень тихо:

— А может, она просто нас бросила. Как мама.

— Не говори так!

Джек крикнул это так громко, что Джилл вздрогнула. Пламя в погасшем камине вдруг вспыхнуло само собой, ярко, до самой трубы, и тут же опало.

— Не говори так, — повторил он тише. — Она не мама. Она не бросит. Она обещала. Она сказала, что любит. Что бы ни случилось.

— Мама тоже когда-то любила, — сказала Джилл.

Джек не нашёлся, что ответить.

А под рёбрами у него в эту ночь впервые за шесть лет проснулось холодное. Проснулось и тихо, почти ласково, сказало: «Все уходят. Все. Мать ушла в бутылку. Отец ушёл на войну. Теперь и эта ушла. Только я никогда не уйду. Только я. Я и она. Вы мои. Больше у вас никого нет».

Джек сжал кулаки. Пальцы задымились.

— Замолчи, — сказал он вслух.

— Я молчу, — удивилась Джилл.

— Не ты.

Она посмотрела на него. Долго. И вдруг положила руку себе на грудь, туда, где был голубой след.

— Я тоже его слышу, — сказала она. — Он говорит то же самое.

Утром Джек распахнул дверь. Дорога к лесу была пустая. Качели на дубе висели неподвижно. Джилл стояла у него за спиной и держала в руках плащ Элизы, старый, домашний, который та оставила на гвозде. Держала и прижимала к лицу.

— Он пахнет ею, — сказала она. — Хлебом и дымом.

И Джек понял, что сейчас она заплачет. Второй раз в жизни после подвала. И что если она заплачет, то он тоже. И что тогда они оба будут знать то, чего знать не хотят.

— Пошли, — сказал он. — Пошли её искать.

* * *

Так дети второй раз в жизни остались без матери.

Первый раз это случилось медленно. Мать уходила от них по капле, по глотку, бутылка за бутылкой, и однажды просто оказалось, что её больше нет, хотя она сидела за столом под портретом. Тогда они были маленькие и не понимали, что теряют.

Второй раз это случилось за одно утро. И теперь они понимали. Теперь они знали, каково это, когда тебя гладят по голове, когда тебе пекут пирог, когда ложатся с краю, чтобы ты не мёрз. Они ждали этого всю жизнь. Они нашли. Шесть лет держали в руках.

И разжали руки.

Нет ничего больнее, чем потерять то, что так долго искал. Лучше бы и не находить вовсе, скажет кто-нибудь. Но это неправда. Шесть тёплых лет все-таки лучше, чем ни одного. Просто за них приходится платить. За всё на свете приходится платить, это Джек уже знал. Тень в подвале научила.

* * *

В Чёрный лес они пошли вдвоём.

Шли и звали.

— Элиза! Элиза!

— Элиза-а-а!

Голос глох между деревьями, будто лес глотал его и не давал уйти дальше. Никто не отзывался. Только где-то далеко каркнула ворона, раз, другой, и замолчала.

Джек смотрел под ноги. На мокрой земле нашлись следы, узкие, от женских башмаков, с косой набойкой на левом каблуке. Джек сам прибивал эту набойку осенью.

— Её, — сказал он.

Чуть дальше была сломанная ветка, свежая, белая на изломе. А ещё дальше на колючем кусте висел клочок серой шерстяной ткани.

Джилл сняла его с шипа и долго держала на ладони.

— Это её, — сказала она. — С плаща.

— Может, просто зацепилась.

— Может.

Джек оглядел деревья вокруг, будто Элиза могла стоять за одним из них. Будто вот сейчас выйдет, засмеётся, скажет: «Ну что вы, глупые, я же сказала: три дня». Никто не вышел.

— Она была здесь, — сказал он. — Значит, мы её найдём.

— А если не найдём?

— Найдём.

— Джек. А если не найдём?

Он повернулся к ней. Джилл стояла с клочком серой ткани в руке, высокая, белая, в синей шали, и смотрела на него своими ледяными глазами, в которых сейчас было то, чего не было шесть лет назад. Было что терять.

— Тогда будем искать дальше, — сказал Джек. — Пока не найдём. Сколько бы ни пришлось.

Джилл спрятала клочок ткани за пазуху, к самому сердцу. Туда, где был голубой след.

И они пошли дальше, туда, где лес становился гуще и темнее.

* * *

Дым над деревней они увидели с опушки.

Они возвращались на третий день поисков, голодные, исцарапанные, ни с чем. И вдруг Джилл остановилась и показала рукой. Над деревьями, там, где была деревня, поднимался столб чёрного дыма.

— Дом, — сказал Джек.

И они побежали.

Ещё на подходе стало слышно, как кричат люди и как ломается дерево. Между домами бежали женщины с детьми на руках. Кто-то тащил корову за верёвку, корова упиралась и мычала. Ворота крайнего двора были разбиты в щепки, и щепки ещё дымились.

Из-за сарая вышло чудовище.

Оно было размером с телегу, покрытое бурой свалявшейся шерстью, на четырёх толстых лапах. Когтями оно оставляло в земле борозды, как плугом. Голова у него была низкая, широкая, вся в шишках, и из пасти тянулась слюна, длинная и вязкая. Глаза были маленькие, красные и совсем пустые. Как у старухи, подумал Джек.

На площади стоял староста с посохом и кричал людям прятаться по домам. Его почти никто не слышал.

Джек и Джилл выбежали на площадь как раз тогда, когда чудовище развернулось к колодцу. Там стояли две старухи и девочка лет пяти в красном платочке. Девочка не плакала. Она просто стояла и смотрела на зверя, раскрыв рот, как смотрят дети, которые ещё не знают, что такое смерть.

— Джек, — сказала Джилл. — Мы обещали Элизе.

— Знаю.

— Никому не показывать.

— Знаю!

Чудовище шагнуло к колодцу.

Джек поднял руку.

Перед мордой зверя из земли встала стена огня. Сразу, высокая, ревущая, до самых крыш. Не с орех. Совсем не с орех.

Чудовище отпрянуло, мотнуло головой, взревело и повернулось к Джеку. Джилл присела и ударила ладонью о землю. Лёд побежал по площади, по грязи, по камням и обхватил передние лапы зверя. Чудовище рванулось. Лёд треснул, полетели осколки, сверкающие, как стекло.

— Джилл! Держи его! — крикнул Джек.

— Держу!

Джилл вытянула обе руки. Из земли поднялись ледяные глыбы, толстые, мутные, они наползли на зверя с боков и сжали его, как сжимают в кулаке. Чудовище ревело и билось, но сдвинуться не могло.

Джек пошёл к нему. Огонь поднялся по его рукам до локтей, потом до плеч.

И под рёбрами проснулось холодное. Проснулось радостно. Жадно. Как пёс, которого шесть лет держали на цепи и вдруг отпустили.

«Да, — сказало оно. — Да. Вот так. Наконец-то».

Джеку стало весело. Так весело, как не было шесть лет. Как тогда, в горящей избушке. Он вдруг понял, как скучал по этому. Шесть лет держать огонь с орех. Шесть лет с горошину. А ведь можно вот так. До неба.

— Сейчас! — сказала Джилл.

Джек ударил.

Пламя ушло в чудовище сплошным потоком, ревущим, золотым и рыжим. Запахло палёной шерстью и мясом. Зверь дёрнулся в ледяных тисках, захрипел, забился и повалился набок. Джек не остановился. Он бил и бил, и огонь лился из его рук, и было хорошо, и было весело, и он слышал собственный смех, хриплый, злой, недетский, тот самый смех из горящей избушки.

— Джек, — сказала Джилл. — Джек, хватит. Он мёртвый.

Джек не слышал.

— Джек!

Холодная рука легла ему на плечо. Совсем как у Элизы на деревенской улице. Только ледяная.

— Пойдём, — сказала Джилл. Голосом Элизы. Теми же самыми словами. — Пойдём домой, Джек.

Огонь погас.

Джек стоял над обугленной тушей и тяжело дышал. Руки у него дымились. Под рёбрами холодное медленно, неохотно, сытое, укладывалось обратно. Лёд вокруг туши начал таять.

На площади стало тихо.

* * *

Люди выходили из домов по одному. Смотрели на тушу. Потом на них.

Девочка в красном платочке стояла у колодца, живая. Её никто не обнял. Старухи рядом с ней пятились, крестились и шептали что-то беззубыми ртами.

Маленький мальчик в рубашке до колен стоял у забора и глядел на Джека во все глаза, приоткрыв рот. В глазах у него было восхищение. Он даже сделал шаг вперёд. Мать подбежала, схватила его за руку и утащила за дом, не оглядываясь.

Рыжий Мартин, сын мельника, стоял на крыльце мельницы, белый, как мука. Он больше не смеялся.

Никто не сказал «спасибо».

Староста стоял посреди площади, сжимая посох обеими руками, так что побелели костяшки.

— Что же вы такое?.. — сказал он.

Джек и Джилл переглянулись. Они оба помнили, что обещали Элизе. И оба понимали, что обещание нарушено и что вернуть его уже нельзя. Как нельзя вернуть Элизу. Как нельзя вернуть маму. Как нельзя вернуть ничего, что однажды ушло.

— Мы живём в доме у леса, — сказал наконец Джек. — Мы шесть лет здесь живём. Вы нас знаете.

Староста не ответил. Он смотрел на них так, как когда-то смотрела мать на бутылку, которую поставила перед ней старуха. Прикидывая.

И Джилл, которая шесть лет оттаивала у Элизиного тепла, почувствовала, как в груди у неё, там, где голубой след, снова становится холодно.

Глава 3. Предательство

В ту же ночь староста не ложился.

Он сидел у себя за столом при одной свече, перед ним лежал лист пергамента, и он долго не мог начать. Свеча горела ровно и смотрела на него. Свечи, если вы не знали, видят очень многое. Они стоят на столах, когда люди пишут письма, которые потом прячут, и когда считают деньги, которые не хотят показывать, и когда плачут о том, о чём никому не скажут. Свечи всё это видят и молчат, потому что сгорают раньше, чем успевают кому-нибудь рассказать.

Эта свеча видела, как у старосты дрожит перо.

— Ты чего не спишь? — Жена старосты стояла в дверях, в ночной рубашке, со свечным огарком в руке. — Третий час уже.

— Спи, Марта. Дело у меня.

— Какое ещё дело среди ночи?

Староста помолчал.

— Про этих. Из дома у леса.

Жена подошла ближе. Посмотрела на пустой лист.

— Они ж деревню спасли, — сказала она неуверенно. — Тварь эту убили. Если б не они, Грета с внучкой у колодца…

— Сегодня тварь, — сказал староста. — А завтра?

— Что завтра?

— А завтра им что-нибудь не понравится. Мельников сын их дразнил, ты знаешь? Шесть лет дразнил. А ты видела, как этот мальчишка горел? Ты видела его лицо, Марта? Он смеялся. Он жёг и смеялся. Так не смеются люди. Так черти смеются.

Жена ничего не ответила.

— А девка, — продолжал староста тише. — Девка вообще не человек. Шесть лет живёт, и ни разу, слышишь, ни разу не болела. Ни простуды, ни лихорадки. И холод от неё. Подойдёшь, а от неё холод, как от погреба. Ведьмина это семья. Ведьма их где-то взяла, ведьма их растила. А теперь ведьмы нет. Ушла, бросила. И кто их теперь удержит? Кто?

— Может, ведьма вернётся.

— А может, и нет. — Староста обмакнул перо в чернильницу. — А пока ждём, они нас тут всех пожгут. Нет, Марта. Пусть их забирают. Пусть Лорд решает. Это его земля, его дело. А я за деревню в ответе.

Жена постояла ещё немного. Потом ушла. Огарок в её руке дрожал, и тень от неё на стене была длинная и сгорбленная.

Староста начал писать. Сначала медленно, подбирая слова. Потом быстро, не перечитывая, будто боялся передумать. Свернул лист, накапал на край воска со свечи и прижал печаткой с перстня.

За окном простучали копыта. Одинокий всадник остановился у калитки. Староста вышел к нему без шапки, сунул письмо в руку и что-то сказал вполголоса. Всадник кивнул, развернул коня и пропал в темноте.

Староста постоял на крыльце, глядя ему вслед. Ночь была холодная. Где-то за деревней, у самого леса, в маленьком доме горел свет. Одно окно. Как глаз, который не спит.

Он перекрестился и ушёл в дом.

А свеча на его столе догорела к утру и так никому ничего и не рассказала.

* * *

В доме у леса в ту ночь тоже не спали.

Джек сидел у камина. Огонь в камине горел сам, без дров: Джек не стал подкладывать поленья, он просто держал руку над пустой решёткой, и пламя росло из ничего, из его ладони,

и лизало закопчённые кирпичи. Элиза ругалась, когда он так делал. Говорила, что дрова для того и колют, чтобы огонь знал своё место.

Элизы не было. Можно было не колоть.

Джилл сидела за столом с пером и куском бумаги. Писала она медленно, старательно, высунув кончик языка, как Элиза учила её в первую зиму.

— Что ты пишешь? — спросил Джек.

— Записку.

— Кому?

— Ей. Если она вернётся, а нас нет.

— Мы же никуда не уходим.

Джилл подняла на него глаза.

— Джек. Ты видел, как староста на нас смотрел.

Джек видел. Он ничего не сказал.

Джилл дописала, подула на чернила и подвинула записку брату. Там было всего несколько строк, круглыми, аккуратными буквами:

«Элиза. Мы тебя искали в Чёрном лесу три дня. Нашли кусочек твоего плаща. Мы его храним. Если ты вернёшься, а нас нет, значит, мы ищем тебя дальше. Мы найдём. Никуда больше не уходи. Пожалуйста. Джек и Джилл».

Джек прочитал два раза. Буквы у него немного расплывались перед глазами, и он сказал, что это от дыма.

— «Пожалуйста» зачем? — спросил он хрипло.

— Не знаю, — сказала Джилл. — Так правильно.

Она положила записку на стол, под книгу с медными застёжками, чтобы не сдуло. Посидела. Потом встала и сняла с полки деревянную утку. Ту самую, кривую, с одним крылом длиннее другого.

— Её я возьму, — сказала она.

— Куда возьмёшь? Мы же никуда не…

— Её я возьму, — повторила Джилл и прижала утку к груди.

Джек отвернулся к огню.

А под рёбрами у него было тихо и сыто. Холодное лежало, свернувшись, довольное, как кот после миски сметаны. Оно сегодня наелось. Оно сегодня впервые за шесть лет поработало как следует. И теперь ему было хорошо.

— Он доволен, — сказал Джек. — Слышишь?

— Слышу, — сказала Джилл. — Мой тоже.

— Твой?

Джилл положила руку на грудь, туда, где под рубашкой был голубой след.

— Он один, — сказала она. — Просто в нас обоих. Как ты не понимаешь.

Джек понимал. Он просто не хотел понимать.

* * *

Утром в деревню въехали королевские всадники.

Человек двадцать, при оружии, на хороших сытых конях. Кони били копытами, звенела сбруя, на солнце блестели шлемы. Деревенские собаки лаяли на них из-под заборов, а люди смотрели из окон и не выходили.

Впереди ехал человек в чёрных доспехах. Лицо у него было жёсткое, обветренное, как кора старого дуба, и через щёку шёл старый белый шрам, от виска до самого подбородка. Глаза были светлые, внимательные и очень усталые. Его называли Капитаном, и, кажется, никто из солдат не знал его по-другому. А если кто и знал, то не решался сказать вслух.

Староста ждал у колодца. Мял в руках шапку.

— Я сам видел их колдовство, — сказал он, не дожидаясь вопросов. — Своими глазами. Они опасны, господин Капитан. Очень опасны.

Капитан не ответил. Он сидел в седле и смотрел мимо старосты: на разбитые ворота, на проломленную стену сарая, на то, что лежало за площадью, обугленное, огромное, и уже начинало пахнуть.

— Это они сделали? — спросил он.

— Они. Мальчишка жёг, а девка морозила. Я сам видел.

— И кто остановил эту тварь? — спросил Капитан.

Староста замолчал.

— Тварь кто остановил, я спрашиваю, — повторил Капитан ровно.

— Они, — сказал староста, глядя в землю. — Но это ничего не меняет.

Капитан спешился и бросил поводья солдату. Подошёл к туше. Долго смотрел на обугленную шерсть, на оплавленную землю вокруг, на тонкий, ещё не растаявший в тени слой льда под лапами. Потом присел, снял перчатку и потрогал лёд пальцами.

— Девочка у колодца жива? — спросил он, не оборачиваясь.

— Жива. Внучка Греты. Жива-здорова.

— А тварь мертва.

— Мертва.

Капитан встал. Надел перчатку.

— Это меняет многое, — сказал он.

— Да вы поймите, господин Капитан, — заторопился староста. — Сегодня тварь, а завтра…

— Я понял, — сказал Капитан. — Ты написал Лорду. Лорд прислал меня. Где они живут?

Староста показал рукой. На маленький дом у леса. На дуб с кривыми качелями.

Капитан посмотрел туда. Долго.

— А женщина, что с ними жила? — спросил он.

— Ведьма-то? Ушла. Неделю как ушла. Бросила их.

Капитан кивнул, будто ничего другого и не ждал. Будто знал заранее.

* * *

В дверь дома Элизы постучали, когда Джек колол лучину.

Стучали не так, как стучат соседи. Соседи стучат костяшками, два раза, и сразу кричат: «Хозяйка, дома?» А тут постучали кулаком в перчатке. Три раза. Тяжело. Так стучат, когда знают, что откроют.

Джек отложил нож и посмотрел на сестру. Джилл стояла у окна.

— Сколько их? — спросил он.

— Много, — сказала Джилл. — Во дворе шестеро. И у калитки двое. С копьями.

Джек открыл.

На пороге стоял Капитан. Высокий, в чёрных доспехах, с белым шрамом через всю щёку. Он стоял спокойно и смотрел на Джека сверху вниз, но не так, как смотрят на преступника. Скорее так, как смотрят на задачу, которую надо решить.

Джилл вышла из-за спины брата и встала у его плеча. В руках у неё была деревянная утка.

— Вы Джек, — сказал Капитан. — А вы Джилл.

— А вы кто? — спросил Джек.

— Меня называют Капитаном. По приказу Лорда вы должны отправиться со мной.

Джек посмотрел ему за плечо. Во дворе стояли солдаты, и у одного в руках были цепи. Толстые, ржавые, с тяжёлыми браслетами на концах. Цепи для скотины. Джек видел такие на скотном дворе за рекой: ими держали быка.

И под рёбрами у Джека проснулось холодное.

Оно не шевельнулось, как обычно. Оно сразу поднялось во весь рост, будто только этого и ждало.

«Сожги их, — сказало оно. — Сожги их всех. Вон того, с цепями, первым. Он думает, что ты бык. Покажи ему, кто ты».

Пальцы у Джека нагрелись. Он почувствовал, как жар идёт от живота к плечам, к локтям, к ладоням. Ещё немного, и вспыхнет. Ещё совсем немного.

— Мы спасли деревню, — сказал он сквозь зубы. — За что нас забирают?

— Я не пришёл вас судить, — сказал Капитан. — Решение примет Лорд.

— А если мы не пойдём?

Капитан посмотрел на его руки. На пальцы, от которых поднимался тонкий дымок.

— Тогда вам придётся сжечь меня и всех моих людей, — сказал он спокойно. — Двадцать человек. У половины жёны и дети. Ты можешь. Я видел ту тварь на площади, я знаю, что можешь. И тогда староста окажется прав. И каждый, кто скажет про вас, что вы чудовища, тоже окажется прав. Выбирай.

«Сожги, — шептало холодное. — Сожги. Сожги. Он сам предложил».

Джек стоял. Дымок от пальцев поднимался всё гуще.

Холодная рука легла ему на запястье.

— Джек, — сказала Джилл. — Элиза бы не стала.

— Элизы нет.

— Поэтому мы и должны, — сказала Джилл. — За неё.

Джек закрыл глаза. Глубоко вдохнул. Выдохнул. Пламя с орех, говорила Элиза. Не больше. Настоящая сила не в том, чтобы сжечь, а в том, чтобы удержать.

Он разжал кулаки. Дымок рассеялся.

Холодное под рёбрами обиженно зашипело и улеглось.

Капитан всё это время молча смотрел на него. И Джеку показалось, что в светлых усталых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

* * *

Солдаты вошли в дом. В сапогах, громко, задевая плечами притолоку. Один наступил на медвежью шкуру и оставил на ней грязный след. Другой сшиб плечом пучок лука, и луковицы раскатились по полу. Никто их не поднял.

На Джека и Джилл надели оковы. Тяжёлые, железные, на запястья, с цепью между ними. Железо было холодное и шершавое. Джек не сопротивлялся. Он только смотрел на Капитана, не отрываясь.

Джилл стояла спокойно. Деревянную утку она переложила под мышку, чтобы не мешала.

Капитан какое-то время глядел на их скованные руки. На цепи. На ржавые браслеты, которые натирали детям запястья.

— Снимите это, — сказал он.

— Господин Капитан, — неуверенно начал солдат с цепями. — Староста говорил…

— Я сказал, снимите.

Солдаты переглянулись, но сняли. Капитан вышел к лошадям, порылся в седельной сумке и вернулся с двумя старыми металлическими браслетами. Тёмными, почти чёрными, тусклыми, с выбитыми по кругу рунами, такими мелкими и старыми, что их почти стёрло время.

— Дай руку, — сказал он Джеку.

— Зачем?

— Дай.

Джек протянул руку. Капитан сам застегнул браслет у него на запястье. Браслет был холодный и тяжелее, чем казался. Тяжелее, чем железные оковы. Он щёлкнул, закрываясь, и Джек почувствовал, как от этого щелчка внутри у него что-то оборвалось.

Огонь ушёл.

Не погас. Ушёл. Будто кто-то закрыл заслонку в печи, и пламя, которое всегда было рядом, всегда под рукой, всегда тёплое, вдруг оказалось далеко, за толстой стеной. Джек попробовал позвать его. Ничего. Ладонь осталась просто ладонью. Холодной, мальчишеской, в мозолях от топора.

А под рёбрами стало тихо.

Не так, как бывает, когда холодное спит. По-другому. Будто его накрыли толстым одеялом с головой, и оно там ворочается, и сопит, и не может выбраться. Джек его почти не слышал. Впервые за шесть лет. Впервые с подвала.

Он не знал, радоваться ему или бояться. Внутри было пусто и непривычно легко, как бывает во рту, когда выдернут больной зуб.

Капитан застегнул второй браслет на запястье Джилл. Джилл опустила пальцы в ведро с водой, которое стояло у двери. Вода не шелохнулась. Не застыла. Даже не похолодела.

Джилл постояла так, глядя на свои пальцы в воде. Потом вынула руку. Потрогала грудь, там, где голубой след.

— Тихо стало, — сказала она удивлённо. — Джек. Слышишь? Совсем тихо.

— Слышу.

— Они сдержат вашу силу, — сказал Капитан. — Пока вы со мной, никто не причинит вам вреда без причины. Ни вы никому, ни вам никто.

— А потом? — спросил Джек. — Когда будем не с вами?

Капитан не ответил.

* * *

— Можно я возьму вещи? — спросила Джилл.

— Только самое нужное.

Джилл взяла синюю шаль. Деревянную утку. Клочок серой ткани с колючего куста, который она носила за пазухой. Больше ничего.

Джек взял топор. Капитан посмотрел на топор и покачал головой. Джек положил топор обратно.

Потом Джилл подошла к столу. Поправила записку под книгой с медными застёжками, чтобы её было видно сразу, как только откроешь дверь. Посмотрела на камин, на полку, на пучки трав под потолком, на медвежью шкуру с грязным следом сапога. Нагнулась и подняла луковицы с пола. Сложила их на лавку.

Капитан смотрел, как она это делает, и не торопил.

— Это ваш дом? — спросил он.

— Её, — сказала Джилл. — И наш. Шесть лет.

— Она вернётся сюда?

— Вернётся, — сказал Джек.

Капитан кивнул и ничего не сказал. Джилл потом думала, что он, наверное, знал. Знал что-то, чего не знали они. Но тогда она об этом не думала. Тогда она думала о том, что надо закрыть ставни, чтобы в дом не набился снег, если Элиза задержится до зимы.

Она закрыла ставни.

Джек вышел последним и закрыл дверь. Постоял, держась за ручку. Потом отпустил.

Качели на дубе тихонько скрипнули на ветру. Одна верёвка длиннее другой.

* * *

Капитан сам подсадил Джилл в седло серой кобылы, придержал стремя, проверил подпругу. Джеку дали старую гнедую кобылу с седой мордой, смирную, как корова. Сам Капитан сел на вороного. Солдаты оставались в деревне ещё на день, и из деревни выехали только трое.

Люди смотрели на них из окон, из-за заборов, из-за плетней. Никто не вышел.

Нет, один вышел.

Когда они проезжали мимо колодца, из-за угла выбежала маленькая девочка в красном платочке. Та самая. Она подбежала к серой кобыле, задрала голову и протянула Джилл что-то в кулачке.

Это был леденец. Петушок на палочке, сахарный, красный, облизанный с одного бока.

— Это тебе, — сказала девочка. — Ты красивая. Как снег.

Джилл взяла леденец. Посмотрела на него. На девочку.

— Спасибо, — сказала она.

Из дома выскочила женщина, схватила девочку в охапку и утащила в дом. Дверь хлопнула. Лязгнул засов.

Джилл так и держала леденец в руке. Потом бережно завернула его в уголок шали и спрятала. К утке и к клочку серой ткани.

У ворот стоял староста. Он смотрел на них из-за створки и не выходил.

Джек обернулся в седле и встретился с ним глазами. Долго смотрел. Староста держался. Потом не выдержал и отвёл взгляд первым.

— Он предал нас, — сказал Джек.

— Он испугался, — сказала Джилл.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала Джилл. — Не одно.

Джек обернулся к ней.

— Ты его ещё и жалеешь?

— Нет, — сказала Джилл честно. — Мне его никак. Просто это не одно и то же.

Она помолчала и добавила:

— Нам всё равно нужно найти Элизу. Лорд, наверное, знает много. Лорды всё знают.

Джек хмыкнул. Отвернулся. Тронул пятками бока старой кобылы.

Деревня осталась позади. За поворотом исчезла крыша маленького дома у леса. Потом исчез и дуб. Потом исчез и лес.

Если бы кто-нибудь в тот день поднялся на старый дуб у крыльца, он бы увидел, что на самой нижней ветке, там, где привязаны качели, кто-то вырезал ножом три буквы. Неровные, неглубокие, будто резал ребёнок, который только-только научился писать.

«Д. Д. Э.»

Но никто не поднялся. В деревне боялись подходить к этому дому.

* * *

Дорога шла между холмами. Трое всадников ехали по ней до вечера, почти не разговаривая.

Джек держался позади и смотрел Капитану в спину. Спина была прямая, широкая, в чёрном железе. Джек представлял себе, как бы он прожёг это железо насквозь, если бы не браслет. Представлял и сам пугался того, как легко это представляется.

На привале Капитан развёл костёр. Сам, огнивом, долго выбивая искру на сырой трут. Джек сидел рядом и смотрел, как он мучается, и пальцы у него чесались.

— Сними браслет, — сказал он. — Я тебе за миг разожгу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что потом ты не захочешь его надевать обратно. — Капитан наконец раздул огонь, подложил веток. — А я не хочу проверять, кто из нас быстрее.

— Ты меня боишься?

Капитан поднял на него глаза. Светлые, спокойные.

— Я видел, как горят люди, мальчик, — сказал он. — Много раз. Я знаю, как это пахнет. Я знаю, как они кричат. Нет. Я тебя не боюсь. Я боюсь того, что будет с тобой, если ты к этому привыкнешь.

Джек открыл рот, чтобы ответить что-нибудь дерзкое. И не нашёл что.

Джилл сидела по другую сторону костра, укутавшись в синюю шаль, и вертела в пальцах деревянную утку.

— Где ты видел, как горят люди? — спросила она.

Капитан помолчал.

— На службе.

— Какой службе?

— Был раньше на одной службе. — Он подкинул ветку в огонь. — Мы искали ведьм. И находили. И жгли.

Стало тихо. Только трещал костёр.

— И Элизу бы сжёг? — спросил Джек.

— Не знаю, кто такая ваша Элиза.

— Ведьма. Так староста говорил. Ты бы её сжёг?

Капитан долго смотрел в огонь.

— Тогда, может, и сжёг бы, — сказал он наконец. — Тогда я жёг, кого скажут. Я верил, что так надо. Я думал, огонь очищает.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что огонь просто жжёт, — сказал Капитан. — И больше ничего.

Он встал и ушёл к лошадям. И больше в тот вечер не разговаривал.

Джек долго лежал без сна, глядя в звёздное небо. Браслет давил на запястье. Под рёбрами было тихо, будто там никого и не было. И от этой тишины ему почему-то было одиноко. Странно одиноко, будто он потерял что-то своё. Хотя это своё было злое и холодное, и он его ненавидел.

— Джилл, — позвал он шёпотом. — Ты спишь?

— Нет.

— Тебе без него как?

Джилл долго молчала.

— Тихо, — сказала она наконец. — Тихо и холодно. По-другому холодно. Как будто я одна в пустом доме.

— Мне тоже.

— Джек. А если его снять, он снова вернётся?

— Не знаю.

— А ты хочешь, чтобы вернулся?

Джек не ответил. Он не знал ответа. И это пугало его больше всего.

* * *

На третий день, на закате, они увидели замок.

Сначала Джек решил, что это гора. Чёрная, острая, на фоне красного неба. Потом понял, что у горы не бывает башен. А у этой были. Пять башен, высоких, тонких, как пальцы, протянутые к небу. Замок стоял на вершине скалистого холма, и заходящее солнце горело в его окнах красным, будто внутри был пожар. К воротам вёл длинный каменный мост на арках, перекинутый через пропасть.

Джек и Джилл придержали лошадей и задрали головы. Ничего подобного они в жизни не видели.

— Это и есть замок Лорда? — спросила Джилл.

— Это и есть, — сказал Капитан.

А внизу, у подножия холма, лежал город. Даже отсюда было видно, что он весь в огнях: фонари, факелы, гирлянды, костры на площадях. Ветер донёс оттуда обрывки музыки, скрипки и бубны, и чей-то далёкий пьяный смех.

— А там что? — спросил Джек. — Праздник?

— Там всегда праздник, — сказал Капитан. — Это Отрада. Город, где праздник не кончается.

— Здорово, — сказал Джек.

Капитан посмотрел на него как-то странно.

— Не здорово, — сказал он. — Если когда-нибудь будете проходить мимо, не задерживайтесь там. Не пейте их вина. И не берите ничего в долг.

— Почему?

Капитан не ответил. Он тронул коня и поехал вниз, к городу. Он провёл их через городские ворота так быстро, что Джек и Джилл почти ничего не успели увидеть. Только огни, гирлянды и серых людей с тачками у стены, которые молча смотрели им вслед. Потом главную улицу, где все смеялись и никто не смотрел друг на друга. Потом дорогу наверх, к мосту.

Музыка Отрады ещё долго звучала у них за спиной. Весёлая, громкая. И почему-то от неё было не весело, а тоскливо.

* * *

Стражники у ворот замка узнали Капитана и открыли тяжёлые двери без вопросов.

Внутри был длинный коридор из серого камня. На стенах горели факелы, и пламя у них было неподвижное, как у свечи старухи в лесу. Джек это заметил, и у него похолодело в животе. В высоких узких окнах видны были горы и внизу, далеко, река. Шаги отдавались гулко, будто за ними шёл ещё кто-то, невидимый, и повторял каждый их шаг.

Джилл шла рядом с братом и считала двери.

— Двадцать один, — шептала она. — Двадцать два. Двадцать три. Двадцать… Сбилась.

— Зачем ты считаешь?

— Чтобы знать, сколько бежать обратно.

Джек хотел засмеяться. Не получилось.

В конце коридора двери открылись в круглую комнату.

* * *

В комнате горел камин. Большой, каменный, с резными львами по бокам, и огонь в нём был живой, тёплый, потрескивающий, совсем не такой, как у факелов в коридоре. Посередине стоял большой стол, заваленный книгами и картами. Некоторые карты были придавлены подсвечниками, чтобы не сворачивались. Пахло воском, старой бумагой и чем-то ещё, сладковатым, тёплым, как мёд, который долго стоял на солнце.

У стола стоял человек.

Высокий, прямой, в чёрном длинном одеянии с тёмно-красной вышивкой по вороту и рукавам. Волосы у него были тёмные, но с сильной проседью, как будто на них упал пепел и так и остался. Лицо было не старое. Усталое. И красивое той красотой, какая бывает у старых портретов в богатых домах, которые висят на стене много лет и уже никого не радуют.

На груди, под чёрной тканью, у него что-то тускло светилось. Тёплым янтарным светом. Будто там, под одеждой, тлел уголёк.

Это был Лорд.

Капитан остановился у входа и склонил голову.

— Милорд. Джек и Джилл доставлены.

Лорд не ответил. Он смотрел на них. Сначала на Джека, долго, внимательно, неторопливо, будто читал книгу. Потом перевёл взгляд на Джилл.

И замер.

Джек это заметил. Лорд смотрел на Джилл так, как смотрят на портрет человека, которого давно не видели. Узнавая и не узнавая. Ища знакомые черты. Взгляд его задержался на её белых волосах, на синей шали, на деревянной утке у неё в руках.

Потом что-то в его лице закрылось, как закрывается дверь.

— Значит, это вы спасли деревню, — сказал он. Голос был низкий, мягкий, и от этого голоса Джеку вдруг стало тепло. Спокойно. Хорошо. Как бывает, когда после мороза входишь в натопленную избу. Захотелось сесть. Захотелось, чтобы этот человек говорил ещё.

И в ту же секунду под рёбрами у Джека шевельнулось холодное.

Сквозь браслет. Сквозь толстое одеяло, которым его накрыли. Шевельнулось, подняло голову и прислушалось. Будто услышало знакомый голос в соседней комнате. Будто узнало своего.

Джек вздрогнул. Тепло от голоса Лорда отхлынуло, и он снова стоял в круглой комнате, усталый, грязный, с браслетом на руке. А Лорд смотрел на него с лёгким любопытством.

— Если вы собираетесь нас наказать, — сказал Джек хрипло, — говорите прямо.

Лорд обошёл стол.

— Наказать? — сказал он. — За что? За то, что вы убили чудовище, которое пожирало моих крестьян? Нет, Джек. Староста твоей деревни трус и дурак. Таких у меня много, я к ним привык. Нет. Я хочу предложить вам кое-что другое.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Капитан сказал, — ответил Лорд и улыбнулся.

Джек посмотрел на Капитана. Капитан смотрел в пол.

* * *

Лорд вытянул из-под книг большой старый пергамент и развернул его на столе. Это была карта. Горы, леса, реки, дороги, нарисованные бурыми чернилами. Многие названия стёрлись. А в верхнем углу, среди гор, стояла нарисованная одинокая башня. Высокая, белая, с тонким шпилем.

— Это Башня Хранителей, — сказал Лорд. — Там сохранились записи, которых больше нет нигде. Летописи. Книги. Знания, которые собирали сотни лет.

Джилл подошла к столу и посмотрела на карту. На белую башню.

— Какое отношение это имеет к нам?

Лорд помолчал. Потом сказал:

— Возможно, там вы узнаете, что произошло с женщиной по имени Элиза.

Джек резко поднял голову.

— Откуда вы знаете её имя?

Тишина. Только трещал огонь в камине.

— Её здесь знали, — сказал наконец Лорд. — Давно. — Он сказал это очень ровно. Так ровно, как говорят, когда держат в руках что-то очень горячее и не хотят показать, что обжигает. — Вы её ищете. Я знаю. Мне написали.

— Вы знаете, где она?

— Если бы знал, — сказал Лорд, — я бы не посылал вас в Башню.

— А почему вы вообще нам помогаете? — спросил Джек. — Мы вам кто?

Лорд посмотрел на него. И в его глазах, тёмных, усталых, на миг мелькнуло что-то, чего Джек не смог прочитать. Что-то похожее на голод. Или на тоску. Или на то и другое сразу.

— Скажем так, — ответил Лорд. — Я тоже хочу знать, что с ней стало.

Он скатал карту, неторопливо, ровно, перевязал её шнурком и протянул Капитану.

— Ты проводишь их, — сказал он. — До самой Башни. И обратно.

— Слушаюсь, милорд.

— Береги их, Капитан. — Лорд снова посмотрел на Джилл. На её белые волосы. — Они мне очень дороги.

Джек тогда решил, что это просто так говорится. Как говорят «добрый день» или «спасибо».

Это говорилось не просто так.

* * *

Их отвели в соседний зал и оставили одних. Принесли еду: мясо, хлеб, вино в серебряном кувшине. Джек набросился на мясо. Джилл к еде не притронулась. Она подошла к высокому окну и стояла, глядя вниз.

За окном темнел город. Огни Отрады горели внизу, как угли в остывающем очаге. Иногда ветер доносил оттуда музыку.

На запястьях у обоих тускло поблёскивали браслеты.

— Он врёт, — сказал Джек с набитым ртом.

— Кто?

— Лорд. Он про Элизу знает больше. Видела, как он на тебя смотрел?

— Видела.

— Как будто ты ему кого-то напоминаешь.

— Я никого не могу напоминать, — сказала Джилл. — У меня волосы как у старухи. Кожа как у мёртвой. Кого я могу напоминать?

Джек перестал жевать.

— Не говори так.

— Это правда.

— Всё равно не говори.

Джилл помолчала. Провела пальцем по холодному стеклу.

— А тебе было тепло, когда он заговорил? — спросила она. — В самом начале?

Джек вздрогнул.

— Тебе тоже?

— Нет, — сказала Джилл. — Мне никак. Но я видела твоё лицо. Ты был как Элиза, когда она пирог из печи достаёт. Будто тебе хорошо.

— Мне было хорошо, — признался Джек. — Секунду. А потом… — Он положил руку на рёбра. — А потом он проснулся. Наш. И мне стало как в подвале.

— Он проснулся? Сквозь браслет?

— Да.

Джилл повернулась к нему. Долго смотрела.

— Он его узнал, — сказала она тихо. — Наш его узнал. Да?

Джек не ответил. Он не знал. Но ему было страшно, что Джилл права.

— Если там есть хоть что-то об Элизе, мы должны идти, — сказала Джилл.

— Даже если Лорд что-то скрывает?

— Даже если. — Джилл достала из-за пазухи клочок серой ткани и сжала в кулаке. — Мы обещали найти её. В записке. Мы написали «мы найдём». Нельзя нарушить. Помнишь, в подвале? Плюнули, значит, нельзя.

Джек посмотрел на браслет у себя на руке. Потом на сестру. Она стояла у окна, белая, тонкая, и держала в одной руке деревянную утку, а в другой клочок Элизиного плаща. Ей было семнадцать лет, а сейчас она снова выглядела на одиннадцать.

— Помню, — сказал он. И кивнул.

* * *

Когда Капитан увёл близнецов и дверь за ними закрылась, Лорд остался в круглой комнате один.

Он долго стоял у стола, не двигаясь. Огонь в камине потрескивал. Потом Лорд подошёл к книжному шкафу, провёл пальцами по корешкам и вынул толстый старый том в потёртой коже. Открыл его на середине. Страницы были жёлтые, ломкие на краях.

На развороте были нарисованы две фигуры. Одна стояла в кольце пламени. Другую окружали ледяные узоры, похожие на те, что зимой появляются на окнах. Под рисунком шли строки древних письмён, выцветших, как старая кровь.

Лорд провёл пальцем по рисунку. Сначала по одной фигуре. Потом по другой. Медленно. Бережно. Как гладят по голове.

Потом его рука поднялась к груди, к тому месту, где под чёрной тканью тлел янтарный свет. Сжала его.

— Значит, ты их всё-таки вырастила, — сказал он вслух. В пустой комнате. Никому. — Шесть лет. Ты всегда всё доводишь до конца. И девочка… Девочка носит синее. Как ты.

Огонь в камине не ответил. Огонь вообще редко отвечает.

Лорд постоял ещё немного. Потом закрыл книгу. И задул свечу.

В темноте ещё какое-то время тлел янтарный свет у него на груди. Потом погас и он.

* * *

На рассвете у ворот замка стояли три осёдланные лошади.

Капитан проверял дорожные сумки, подтягивал ремни. Свёрнутую карту он закрепил на поясе. Джек и Джилл вышли во внутренний двор, невыспавшиеся, бледные, и Капитан коротко глянул на них.

— До Башни Хранителей долгий путь, — сказал он. — Через горы. Через места, о которых лучше не рассказывать на ночь. В дороге держитесь рядом. И слушайтесь меня.

Джек сел в седло.

— Мы идём не ради Лорда, — сказал он.

Капитан помолчал. Посмотрел на Джека. Потом на Джилл с деревянной уткой, торчащей из дорожной сумки.

— Я это понял, — сказал он.

— И не ради тебя.

— И это понял.

— Мы идём ради неё.

— Знаю, — сказал Капитан. И вдруг добавил, тише, так, что Джек едва расслышал: — Это хорошая причина. Лучше многих.

Ворота открылись. Трое всадников проехали по каменному мосту над пропастью, спустились в город, где праздник ещё не кончился, хотя уже рассвело, и выехали из него на северную дорогу.

Джилл оглянулась один раз. Замок стоял на холме, чёрный, острый. И в одной из башен, в самом высоком окне, горел свет. Ровный, неподвижный. Как глаз, который не моргает.

Будто кто-то стоял там и смотрел им вслед.

Далеко впереди, за горными вершинами, собирались тучи.

Глава 4. Культ Змеи

Незваные гости

На пятый день пути дорога ушла в горы.

Сначала это были просто холмы, поросшие соснами. Потом холмы стали круче, сосны ниже, а дорога уже, и однажды утром Джек обнаружил, что с одной стороны у них скала, а с другой ничего. Совсем ничего. Только туман внизу, белый и густой, как молоко в кринке, и где-то в этом тумане, далеко-далеко, шумела река.

— Не смотри вниз, — сказал Капитан, не оборачиваясь.

— Я и не смотрю, — сказал Джек, глядя вниз.

На привале, у большого плоского камня, Капитан вдруг подошёл к ним и протянул руку.

— Дай запястье.

Джек спрятал руку за спину.

— Зачем?

— Дай, говорю.

Джек нехотя протянул руку. Капитан достал маленький железный ключ, повернул его в браслете, и браслет щёлкнул и раскрылся.

Джек застыл.

Огонь вернулся сразу. Не постепенно, не тонкой струйкой, а весь, будто открыли заслонку в горящей печи. Ладони стали горячими, пальцы засветились изнутри, как угли, и от них пошёл лёгкий дымок. А под рёбрами потянулось, зевнуло и открыло глаза холодное.

«Ну здравствуй, — сказало оно лениво. — Соскучился?»

Джек сглотнул.

Капитан снял браслет и с Джилл. Джилл вздрогнула всем телом, как вздрагивают от ледяной воды, и камень, на котором она сидела, тут же покрылся инеем. Она прижала руку к груди.

— Он вернулся, — тихо сказала она.

— Кто вернулся? — спросил Капитан.

Джилл посмотрела на брата. Джек едва заметно покачал головой.

— Холод, — сказала Джилл. — Мой холод.

Капитан убрал браслеты в седельную сумку и затянул ремень.

— Дальше горы, — сказал он. — Места дикие. Тут и звери, и люди, и такие, что ни то ни другое. Если на нас нападут, мне нужны будут не два пленника, а два бойца.

— А ты не боишься? — спросил Джек. — Что мы тебя сожжём и сбежим?

— Боюсь, — сказал Капитан просто. — Но гор я боюсь больше.

— А если сбежим?

— Куда? — Капитан пожал плечами. — Карта у меня. А вам нужна Башня. И ваша Элиза.

Он сел в седло. Помолчал и добавил, не глядя на них:

— И потом, вы бы уже сбежали. Ещё у дома, когда я пришёл. Ты мог меня сжечь, мальчик. Ты не сжёг. Я это запомнил.

Джек ничего не ответил. Он сел на свою старую кобылу и долго ехал молча, держа на ладони пламя с орех. Маленькое, ровное. Как учила Элиза.

А холодное внутри смеялось. Тихо, довольно, как смеются над глупым щенком, который думает, что это он ведёт хозяина на поводке.

* * *

К вечеру горы затянуло тяжёлыми облаками.

Между высокими елями лёг туман. Дорога шла по самому краю обрыва и петляла так, что на поворотах Джек вцеплялся в гриву и зажмуривался. Земля после дождей раскисла, лошади вязли в ней по бабки и фыркали.

Капитан ехал впереди. Его доспехи потемнели от сырости. За ним ехала Джилл. Она подняла меховой воротник до самых ушей, но длинная платиновая коса всё равно выбивалась наружу и лежала на плаще, мокрая, тяжёлая, как верёвка. Синюю шаль она спрятала в сумку, чтобы не промокла. Рядом с деревянной уткой.

На очередном повороте Капитан натянул поводья. Внизу, среди деревьев, мерцали огни.

— Деревня, — сказал он. — Переночуем здесь.

— Наконец-то! — Джек чуть не подпрыгнул в седле. — Нормальная еда. Нормальная кровать. Нормальная крыша.

Джилл молча смотрела на огни.

Деревня лежала в долине, как в ладони. Домов сорок, может, пятьдесят. А над крышами поднималась высокая каменная церковь, слишком большая для такого места. Такую церковь мог бы построить большой город, и то не всякий. А тут маленькая горная деревушка, где и коров-то, наверное, было меньше, чем людей.

На стене церкви висело огромное полотнище. И даже отсюда, сверху, в сумерках, было видно, что на нём нарисовано.

Чёрная змея. Свернувшаяся кольцом и кусающая себя за хвост.

Джилл перестала дышать.

Джек тоже увидел. Он помнил эту змею. Она была на стенах в комнате с алтарём. Нарисованная чем-то тёмным, засохшим, бурым.

— Джилл, — сказал он тихо.

— Вижу.

— Это же…

— Вижу, — повторила Джилл. — Не говори.

Капитан посмотрел на полотнище долгим взглядом. Потом на них.

— Знаете этот знак?

— Видели, — сказал Джек. — Однажды.

— Где?

Джек промолчал.

— Мне он тоже не нравится, — сказал Капитан. — Но в горах ночью нельзя. Лошади поломают ноги. Переночуем и уедем на рассвете. Едим только то, что едят при нас другие. Пьём только то, что наливают из общей бочки. Понятно?

— Понятно, — сказал Джек.

Но не понял. Ему очень хотелось есть.

* * *

Они въехали по узкой улице между деревянными домами. В окнах горели свечи. Люди останавливались и смотрели на них, и никто не здоровался. Старик у колодца медленно снял шапку и так и остался стоять с шапкой в руках, будто мимо него везли покойника. Женщина на крыльце увидела их и захлопнула ставни.

На дверях почти всех домов были вырезаны змеи. На одних маленькие, у самой ручки, на других во всю створку, с жёлтыми глазами, нарисованными краской.

— Весёлое местечко, — пробормотал Джек.

— Здесь не любят чужих, — сказал Капитан.

— А где любят?

Капитан не ответил.

Он остановил коня у таверны. Над входом покачивалась на цепях старая деревянная вывеска, буквы на ней давно стёрлись, осталась только змея. Изнутри доносились голоса, смех, стук кружек. Пахло жареным мясом.

Джек сглотнул слюну.

* * *

Дверь была тяжёлая, Джек толкнул её плечом.

Внутри было жарко. В большом камине горели поленья, над огнём на вертеле жарилась баранья нога, и жир капал в угли с весёлым шипением. За столами сидели местные, человек двадцать. Когда открылась дверь, все разом замолчали. Потом, через мгновение, снова заговорили. Слишком громко. Слишком весело.

Навстречу вышла хозяйка. Женщина средних лет в чистом переднике, с гладко зачёсанными волосами и круглым румяным лицом.

— Добро пожаловать! — сказала она и всплеснула руками. — Ох, путники! В такую погоду! Проходите, проходите, дорогие гости. У нас найдётся и ужин, и ночлег. Мы гостям всегда рады.

Она улыбалась. Ямочки на щеках.

Джилл стояла на пороге и смотрела на эти ямочки.

— Джилл, — позвал Джек. — Ну ты чего? Заходи.

Хозяйка усадила их за большой стол у стены. Скоро перед ними появились горячий бараний окорок, свежий хлеб, миска тушёной капусты и три кружки эля.

— Кушайте, кушайте, — приговаривала хозяйка. — С дороги-то. Ишь, какие худые.

Джилл вздрогнула.

Джек отрезал себе кусок побольше. Капитан внимательно посмотрел, откуда хозяйка наливала эль: из большой бочки за стойкой, из той же, из которой наливали всем. Кивнул сам себе и поднял кружку.

— За тёплый кров после холодной дороги!

— За кров! — сказал Джек с набитым ртом и взялся за ужин всерьёз.

Мясо было горячее, жирное, с хрустящей корочкой. Хлеб мягкий. Капуста кислая и вкусная. Джек ел и думал, что вот так, наверное, едят короли. Каждый день. И ни о чём не беспокоятся.

Джилл сидела прямо и к еде не притрагивалась.

— Ешь, — толкнул её Джек.

— Не хочу.

— Опять тебе никак?

— Не в этом дело. — Джилл наклонилась к нему и сказала совсем тихо: — Посмотри на хозяйку.

Джек посмотрел. Хозяйка стояла у стойки, разговаривала с кем-то из посетителей, смеялась. Но то и дело поглядывала на их стол. Быстро, искоса. На Джилл.

— Ну смотрит, — сказал Джек. — Ты красивая. Все на тебя смотрят.

— Она смотрит как старуха, — прошептала Джилл. — Помнишь? Лицо улыбается, а глаза нет.

— Ты везде видишь старуху.

— Джек.

— Ешь давай. Капитан смотрел, откуда наливают. Всё чисто.

Джилл подняла глаза и посмотрела на хозяйку в упор. Через весь зал. Долго.

Хозяйка сразу отвернулась.

* * *

Время шло. Капитан заказал ещё эля. Хозяйка сама принесла кружку, поставила перед ним, улыбнулась. Капитан не заметил, откуда она её наливала. Он устал. Пять дней в седле, и всё время настороже. Он позволил себе на минуту расслабиться.

Это была очень дорогая минута. Но он ещё не знал.

Зал понемногу пустел. Местные уходили по одному, по двое, не прощаясь. Джек этого не замечал. Ему было хорошо: тепло, сытно, эль кружил голову. Он рассказывал Капитану, как Элиза учила его держать огонь с орех, и смеялся, и показывал на пальцах, какой величины орех.

Джилл отодвинула стул.

— Ты даже не поела, — сказал Джек.

— Я не голодна.

Она посмотрела на хозяйку через весь зал.

— И мне здесь не нравится.

— Тебе нигде не нравится.

— Мне у Элизы нравилось, — сказала Джилл.

Джек осёкся.

Джилл наклонилась к нему и сказала на ухо:

— Не пей больше. Пожалуйста.

— Я одну кружку.

— Не пей.

Она пошла к лестнице и поднялась на второй этаж. Хозяйка проводила её глазами. На мгновение улыбка у неё с лица пропала, и под ней оказалось совсем другое лицо, внимательное, холодное и неприятное. Как у кухарки, которая смотрит на курицу и прикидывает, сварить её сегодня или завтра.

Потом улыбка вернулась на место.

* * *

Капитан допил кружку и стал ставить её на стол.

Пальцы разжались раньше, чем кружка коснулась доски. Она глухо стукнула и покатилась. Капитан посмотрел на свою руку удивлённо, будто это была чужая рука. Хотел поднять голову. И не смог. Он завалился вперёд, лицом на стол, прямо в миску с капустой.

Джек перестал жевать.

— Капитан?

Он толкнул его в плечо. Капитан не шевельнулся. Только дышал, тяжело и медленно, как спят пьяные.

Джек посмотрел на кружку. На тёмную лужицу эля на столе. И вдруг вспомнил, совсем ясно, будто это было вчера, стол, покрытый белой скатертью. Миску с супом. Сестру, которая роняет голову рядом с миской. И ласковый голос: «Кушайте, детки, кушайте».

Он медленно поднял глаза на хозяйку.

— Что вы ему подмешали?

Хозяйка молчала. Она стояла за стойкой и вытирала руки о передник. Ямочек больше не было.

За спиной у Джека тяжело скрипнула дверь. Кто-то закрыл её и задвинул засов.

Из-за столов поднялись мужчины. Пятеро. Те, что весь вечер сидели в углу и громко смеялись. Они больше не смеялись.

— Не бойся, мальчик, — сказала хозяйка ласково. — Больно не будет. Святой Отец хорошо молится.

И под рёбрами у Джека проснулось холодное.

Не шевельнулось. Не потянулось. Вскочило, как вскакивает цепной пёс, когда чужой лезет через забор.

«Опять, — сказало оно. — Опять суп. Опять улыбка. Опять тебя хотят сварить. Ты этого хочешь? Ты хочешь опять в клетку? Сожги их. Сожги их всех. Немедленно».

И на этот раз Джек не стал спорить.

* * *

Первый бросился на него сразу. Здоровый, бородатый, в кожаном фартуке кузнеца. Джек увернулся и ударил его кулаком в лицо. Под костяшками хрустнул нос. Кузнец взвыл и сел на пол.

Второй схватил Джека за плечо сзади. Джек развернулся и толкнул его спиной на стол. Стол перевернулся, посуда полетела на пол, баранья нога покатилась под лавку.

Третий подобрал с пола дубинку.

У Джека на ладони вспыхнуло пламя. Не с орех. С голову. Огонь лизнул край опрокинутого стола, и тот сразу задымился. Мужик с дубинкой отшатнулся и закрыл лицо рукой.

— Колдун! — заорал кто-то. — Колдун! Хватайте его!

«Да, — шептало холодное. — Да, да. Ещё. Больше. Подожги стены. Подожги их всех вместе с этим проклятым домом».

Джек засмеялся. Он не хотел смеяться. Смех вырвался сам, хриплый, злой, тот самый, из горящей избушки. Мужчины, услышав этот смех, на миг остановились. Так останавливаются собаки, когда волк, которого они загнали, вдруг поворачивается к ним мордой.

Кричали все сразу. Грохотали лавки. Под ногами хрустели черепки.

Мужик с дубинкой опомнился первым и замахнулся. Джек поймал дубинку на лету. Дерево вспыхнуло у него в руке, как лучина, и мужик выронил её, тряся обожжёнными пальцами, и с воем полез под стол.

Четвёртый налетел сбоку, обхватил Джека поперёк груди и попытался повалить. Джек ударил его затылком в лицо. Тот охнул, разжал руки, и Джек толкнул его ладонью в грудь. Только толкнул. Но ладонь была горячая, как печная заслонка, и на рубахе у мужика осталась чёрная выжженная пятерня. Мужик отлетел к стене и сполз по ней, хватая ртом воздух.

Пятый, который до сих пор сидел тихо в углу, посмотрел на остальных. На кузнеца с разбитым носом. На обожжённого под столом. На чёрную пятерню на рубахе. Потом на Джека. На огонь, который пляшет у него по рукам до самых локтей.

И попятился к стене.

Всё кончилось быстро. Быстрее, чем Джек успел испугаться. Он стоял посреди перевёрнутого зала, тяжело дыша, и огонь бежал у него по пальцам. Пятеро мужиков лежали, сидели, стонали по углам. Капитан спал, уткнувшись лицом в капусту.

«Добей, — шептало холодное. — Добей их. Чего ждёшь? Они бы тебя не пожалели».

Джек не слушал. Джек думал только об одном.

Джилл. Наверху. Одна.

Он развернулся и бросился к лестнице. Перепрыгнул через лавку, через черепки, через ногу кузнеца. Взлетел на первую ступеньку, на вторую, на третью.

— Джилл! — крикнул он. — Джилл, вставай! Джилл!

Он не видел, как хозяйка вышла из-за стойки. Неслышно, мягко, в войлочных туфлях. Как кошка. В руках у неё была тяжёлая чугунная сковорода.

Удар пришёлся по затылку.

У Джека подкосились ноги. Огонь в ладонях вспыхнул последний раз и погас, будто его задули. Ступеньки поплыли перед глазами и вдруг оказались прямо у лица, деревянные, стёртые, пахнущие пролитым элем. Он попробовал ползти вверх. К ней. Пальцы скребли по доскам.

— Джилл… — сказал он. Или только подумал, что сказал.

Над ним стояла хозяйка со сковородой. Он видел только её туфли. И подол передника.

— Ишь ты, — сказала она откуда-то сверху. — Прыткий.

Потом стало темно.

* * *

Джек лежал на ступенях и не двигался. Из-под волос на затылке медленно текла кровь. Капитан по-прежнему сидел за столом, уронив голову в миску.

Хозяйка поставила сковороду на ступеньку. Наклонилась и потрогала Джека за руку. Рука была ещё горячая. Хозяйка отдёрнула пальцы и подула на них.

— Колдун, — сказала она. — Святой Отец обрадуется. Колдуна Он ещё ни разу не пробовал.

Мужики поднимались с пола, охая и ругаясь. Кузнец держался за нос. Обожжённый вылез из-под стола и баюкал руку.

— А девка? — прогнусавил кузнец. — Девка наверху.

— Девка спит, — сказала хозяйка. — Я ей в комнату сонной травы положила, под подушку. Мальчишка орал как резаный, а она и не шелохнулась. До утра не проснётся. Её завтра. Её Святой Отец сам хотел посмотреть. Белая такая. Особенная. А этих двоих сегодня. Змей голоден. Ты, и ты, — она ткнула пальцем в кузнеца и в того, что был с выжженной пятернёй на рубахе, — несите обоих к Святому Отцу. А вы трое тут останетесь. Девку сторожить. Чтоб не сбежала, если вдруг проснётся.

Кузнец и второй подняли Джека за руки и за ноги. Двое других подхватили Капитана. Где-то в деревне ударил колокол, далеко и глухо. Потом ещё раз. И ещё. Медленно. Как бьют по покойнику.

Наверху, за закрытой дверью, спала Джилл.

Сонная трава лежала у неё под подушкой. Пахла сладко, как мёд, долго стоявший на солнце. Джилл спала крепко, без снов.

Но холоду, который жил у неё в груди, сонная трава была не страшна. Холод не спал никогда. ## Ледяная ярость

Джилл проснулась от холода.

Не от того холода, который бывает в нетопленой комнате. От другого. Он поднялся у неё изнутри, из груди, из того места, где под рубашкой был голубой след от ножа, и ударил в голову, как ледяная вода. Джилл открыла глаза и села на кровати, задыхаясь, будто вынырнула из проруби.

Луна светила в узкое окно, на полу лежал белый прямоугольник. Джилл прислушалась. Внизу кто-то разговаривал вполголоса. Двое, трое. Мужские голоса. Не было ни музыки, ни стука кружек, ни смеха. В таверне так тихо не бывает, даже глубокой ночью. Где-то далеко бил колокол. Медленно. Мерно.

Она сунула руку под подушку и нащупала пучок сухой травы. Поднесла к лицу, понюхала. Сладкий запах. Медовый. Голова от него поплыла, совсем немного, и тут же прояснилась, будто холод внутри вымел дурман, как метлой.

Джилл сжала траву в кулаке. Трава покрылась инеем, остекленела и рассыпалась в пыль.

— Джек, — сказала она вслух.

Никто не ответил.

Она встала. Натянула сапоги. Накинула тёмный плащ с меховым воротником. Потом подумала, достала из сумки синюю шаль Элизы и повязала её на плечи поверх плаща. Сама не знала зачем. Чтобы было.

И вышла в коридор.

* * *

Лестница скрипела под ногами.

На третьей ступеньке Джилл остановилась. Ступенька была мокрая. Тёмная. Липкая. Рядом валялась чугунная сковорода.

Джилл присела и потрогала пятно пальцем. Поднесла палец к глазам.

Кровь. Ещё тёплая.

Она узнала бы эту кровь из тысячи. Она пахла им. Палёным деревом и дымом. Джеком.

Джилл выпрямилась. И пошла вниз.

Внизу, в зале, за перевёрнутым столом сидели трое мужиков. Перед ними стоял кувшин, и они пили из него по очереди, передавая из рук в руки. Один держался за обожжённую руку, обмотанную мокрой тряпкой. На столах стояли грязные тарелки, валялись пустые кружки. У двери лежали черепки, в углу дымилась обгорелая скамья. Миска с капустой, в которую упал Капитан, стояла на месте. Капитана не было.

Хозяйка стояла за стойкой и вытирала её тряпкой.

Все четверо обернулись на скрип ступенек. Мужик с обожжённой рукой выронил кружку.

— Проснулась, — сказал он хрипло.

— Где мой брат? — спросила Джилл.

Хозяйка улыбнулась. Ямочки.

— Ох, голубушка. Ты не волнуйся. Иди спать. Утро вечера мудренее.

— Где мой брат?

— Взять её, — сказала хозяйка уже без улыбки.

* * *

Они бросились на неё все трое разом. С разных сторон. Один схватил со стола нож. Другой вытащил из-за пояса топорик. Третий, с обожжённой рукой, просто кинулся, растопырив здоровую руку, чтобы схватить её за косу.

Джилл не двинулась с места.

Она даже не подняла рук. Она просто стояла на нижней ступеньке и смотрела на них. И от её ног по полу побежал холод.

Не волной. Иглами. Тонкими, белыми, острыми, как иней на траве в первый мороз. Они разбежались по доскам во все стороны, быстрее, чем бежали мужики. Первый наступил на них сапогом и остановился. Лёд взлетел по его ноге, по поясу, по груди. Нож выпал у него из руки и застыл в воздухе, не долетев до пола, вмёрзший в ледяную корку. Второй успел замахнуться топориком. Так он и остался, с поднятой рукой, белый, прозрачный, с раскрытым в крике ртом, в котором так и не прозвучал крик. Третий почти дотянулся до её косы. Его пальцы застыли в ладони от её волос.

Тишина.

Только колокол бил где-то далеко.

И Джилл почувствовала, как внутри у неё что-то сделало глоток. Маленький. Холодный. Довольный. Потом ещё один. И ещё.

Будто она выпила ледяной воды в жаркий день. Только это была не вода.

Джилл обошла застывшего мужика с протянутой рукой. Посмотрела на его лицо внутри льда. Удивлённое. Испуганное. Обычное лицо. Таких тысячи на рынке за рекой.

Ей было никак.

* * *

Хозяйка стояла за стойкой, прижавшись спиной к бочке. Тряпка выпала у неё из рук.

— Не подходи, — сказала она. — Не подходи, ведьма. Не подходи!

Джилл подошла.

Хозяйка схватила со стойки кружку и швырнула в неё. Кружка ударилась Джилл в плечо, отскочила и разбилась об пол. Джилл даже не моргнула. Она перегнулась через стойку, схватила хозяйку за ворот платья и потащила.

Хозяйка была вдвое тяжелее. Хозяйка визжала, упиралась, хваталась за стойку, за бочку, за полки. Посыпались кружки, загремели миски, с полки упала связка лука. Хозяйка вцепилась обеими руками в край стойки и повисла на нём всем весом. Джилл этого как будто не замечала. Она тянула, и там, где её пальцы держали ворот, ткань белела и хрустела от мороза. Пальцы хозяйки на краю стойки побелели, онемели и разжались сами.

Джилл выволокла её из-за стойки на середину зала и бросила на пол. Между застывшими мужиками.

— Где мой брат?

Хозяйка поползла назад, на локтях, по черепкам.

— Не скажу. Ничего не скажу. Он тебя накажет. Он всех вас…

— Кто?

— Змей! — Хозяйка плюнула в неё. Плевок не долетел. Застыл в воздухе белой бусиной и упал на пол со стуком. — Змей! Святой Отец отдаст твоего братца Змею, и тебя отдаст, и ты сдохнешь в яме, ведьма белоглазая!

— Где мой брат?

— Не скажу!

Хозяйка вскочила. Неожиданно быстро для такой полной женщины. Схватила с пола осколок кружки, острый, с зазубренным краем, и бросилась на Джилл, целя в лицо.

В ладони у Джилл сам собой вырос лёд.

Длинная, прозрачная сосулька, острая с одного конца, как веретено у Элизы. Джилл даже не думала об этом. Она выросла, как растёт ноготь. Как растут волосы.

Джилл перехватила руку хозяйки с осколком. И вогнала сосульку ей в руку, чуть ниже локтя. Насквозь.

Хозяйка закричала.

Крик был страшный, тонкий, и Джилл слышала его как будто издалека. Ей было никак. Совсем никак. Будто она проткнула не руку, а подушку.

Это было хуже всего. Потом, много позже, она думала, что это было хуже всего: то, что ей было никак.

— Где мой брат? — спросила она в третий раз. Тем же голосом. Ровным. Будто спрашивала, который час.

— На площади! — выла хозяйка. — Их отвели на площадь! К Святому Отцу! К Змею! Вынь! Вынь, ради всего святого! Вынь!

Джилл выдернула сосульку. Хозяйка осела на колени прямо в черепки, прижимая руку к груди. Рука побелела от локтя до пальцев.

— Сколько их было? — спросила Джилл. — До нас. Сколько людей ты накормила и отправила на площадь?

Хозяйка не ответила. Только смотрела снизу вверх. С ненавистью. И со страхом.

— Я так и думала, — сказала Джилл.

Она снова взяла хозяйку за ворот. И потащила к двери. Наружу. На улицу. Туда, где бил колокол.

* * *

На крик сбежались люди. Мужчины с факелами, с дубинками, кто-то с вилами. Они выскакивали из домов, из-за заборов, будто давно ждали. Они окружили Джилл кольцом.

Один вышел вперёд. Кузнец, со свёрнутым набок носом и запёкшейся кровью на бороде.

— Отпусти её, ведьма!

Джилл медленно повернулась к нему. Глаза у неё были голубые и совсем спокойные.

— Это ты ударил моего брата?

— Я тебе сейчас самой…

— Прочь с дороги.

Кузнец бросился на неё.

Джилл присела и коснулась ладонью мостовой. По камням во все стороны разбежался морозный узор, тонкий, белый, кружевной, как на окнах в январе. Лёд обхватил сапоги кузнеца. Полез вверх по ногам, по поясу, по груди, по бороде. Кузнец остановился на полушаге,

с поднятой рукой, с открытым ртом, и так и застыл. Белый, прозрачный. Внутри льда было видно его лицо. Удивлённое.

И Джилл почувствовала, как внутри у неё что-то сделало глоток.

Маленький. Холодный. Довольный.

Будто она выпила ледяной воды в жаркий день. Только это была не вода. Джилл не знала, что это было. Но знала, что это было что-то из кузнеца. Что-то, что было в нём живое и тёплое, а теперь стало её. Нет. Не её. Того, кто жил у неё в груди.

«Ещё, — сказал голос. — Ещё. Их тут много. Не останавливайся».

Остальные попятились.

Джилл встала и пошла.

* * *

Она шла по улице. Несколько человек двинулись было следом, кто с вилами, кто с топором. Она не обернулась. По мостовой у неё за спиной прокатилась белая волна, и преследователи остались стоять там, где она их догнала, в облаке морозного пара. Пятеро. Шестеро. Каждый раз внутри делался глоток.

Джилл шла дальше. Коса качалась у неё за спиной, синяя шаль лежала на плечах. С крыш вдоль улицы свешивались сосульки, которых минуту назад не было, длинные, острые, как зубы. Двери покрывались инеем. Вырезанные на них змеи белели и трескались. Свечи в окнах гасли одна за другой, и в каждом окне на стекле расцветали ледяные папоротники.

Где-то за ставнями плакал ребёнок.

Джилл на мгновение остановилась. Повернула голову на звук.

Ребёнок плакал тонко, захлёбываясь, как плачут маленькие, когда им страшно и некому их утешить. Так плакала когда-то она сама. В подвале. Звала маму.

Джилл постояла. Что-то шевельнулось у неё в груди. Не холодное. Другое. Маленькое, тёплое, из той самой комнатки, которую оставила Сущность. Из той, где жила Элиза.

Иней у её ног, который полз к дому с плачущим ребёнком, остановился.

«Иди, — сказал голос нетерпеливо. — Иди! Там их больше!»

Джилл пошла дальше. Дом с ребёнком остался позади. Нетронутый.

Впереди слышались голоса и мерный звон колокола.

* * *

Улица вывела на площадь.

Там стояла толпа. Большая, вся деревня, наверное. Сотни факелов, и от факелов над площадью висело красное зарево, как над пожаром. Люди стояли плотно, плечом к плечу, и молчали. Только колокол бил. И кто-то пел. Одним голосом, высоким, старческим, протяжным.

За головами людей поднимался деревянный помост с двумя столбами. Перед помостом в мостовой зияла яма. Большая, круглая, чёрная, огороженная деревянными перилами. Из ямы тянуло сыростью и чем-то ещё. Тяжёлым. Сладковатым. Как на скотном дворе за рекой в тот день, когда резали свинью.

На ступенях помоста стоял человек в чёрном капюшоне и пел.

Джилл остановилась в тени крайнего дома и стала смотреть.

К одному столбу был привязан Джек. К другому Капитан. С Капитана сняли плащ, доспехи и оружие, он стоял в одной рубахе, и голова у него ещё свешивалась на грудь. Джек был в сознании. Волосы у него на затылке слиплись от крови. Он поднял голову и обвёл взглядом толпу.

Человек в капюшоне перестал петь и раскинул руки.

— Братья и сёстры! — сказал он. Голос у него был мягкий, ласковый, как у Лорда. Как у старухи. — Великий Змей, отец наш, хранитель долины, голоден. Долго мы его не кормили. Долго не приходили к нам пришлые. Но вот они пришли. Двое бродяг. Один из них колдун,

носитель нечистого огня. Это знак! Змей сам привёл их к нам. Змей рад. Сегодня Он будет сыт, и долина будет жить ещё год. Хвала Змею!

— Хвала Змею! — выдохнула толпа.

— Хвала Змею! — повторил Святой Отец. — А завтра будет третья. Белая. Особенная. Её Змей ждал дольше всех.

Джилл вышла из тени и встала среди людей, в задних рядах, далеко от помоста.

Джек заметил её косу. Платиновое среди тёмных голов. Синее пятно шали. Их глаза встретились над толпой.

Он чуть заметно качнул головой. Не надо. Уходи. Беги.

Джилл не отвела взгляда.

* * *

Она сделала шаг вперёд.

Люди перед ней начали расступаться, сами не понимая почему. Они чувствовали холод спиной. Так чувствуют, когда кто-то открывает дверь на мороз. Под сапогами Джилл по камням пополз тонкий слой льда. В воздухе появился белый туман. Ближние факелы зашипели и погасли.

— Что происходит?.. — сказал кто-то.

— Холодно…

— Это она! Белая! Это она!

Джилл шла.

Лёд расходился от неё по площади. Полз по мостовой, по деревянным перилам у ямы, по ногам людей. Люди закричали и бросились бежать. Они толкались, падали, топтали друг друга, лезли по головам. Но лёд был быстрее. Он догонял их одного за другим, и один за другим они застывали. Кто бегом. Кто вполоборота. Кто с поднятым факелом, в котором так и застыло пламя, оранжевое, внутри прозрачного льда, как цветок в стекле. Кто с раскрытым в крике ртом.

И с каждым, кого догонял лёд, внутри у Джилл делался глоток.

Глоток. Глоток. Глоток.

Их было много. Десятки. Сотни. Они лились в неё, как вода в пустой кувшин, холодные и сладкие, и тот, кто жил у неё в груди, пил и пил и не мог напиться. Джилл чувствовала, как он растёт. Как ему хорошо. Как он сыт впервые с той ночи в подвале.

И ей тоже было хорошо. Вот что было страшнее всего. Ей было хорошо, легко, спокойно, как бывает, когда наконец-то наешься после долгого голода.

Скоро вокруг помоста стояли сотни неподвижных ледяных фигур. Площадь стала похожа на лес. Белый, стеклянный, хрустальный лес, в котором вместо деревьев стояли люди.

Лёд обошёл только два столба. Джека и Капитана он не тронул.

Джек смотрел на сестру с помоста. Смотрел на ледяной лес вокруг. На женщину с ребёнком на руках, застывшую у самой ямы. Ребёнок тоже застыл. С соской во рту.

Лицо у Джека стало белым. Белее, чем у Джилл.

* * *

Святой Отец перестал петь.

Капюшон закрывал ему почти всё лицо. Видна была только седая борода, длинная, до пояса, и глаза. Белёсые, мутные, как у снулой рыбы. Иней уже поднялся по его ногам до колен, и он не мог сделать ни шагу.

Он смотрел, как к нему идёт Джилл.

Она шла через ледяной лес, между застывшими людьми, медленно, не торопясь. Коса за спиной. Синяя шаль на плечах. Голубые глаза. И вокруг неё стояла такая тишина, какая бывает только зимой, в поле, в самую лютую ночь.

— Этого… не может быть… — прошептал Святой Отец. — Змей… Змей, защити…

Джилл поднялась по ступеням помоста. Святой Отец сжал свой посох, вокруг которого обвивалась вырезанная из чёрного дерева змея.

— Кто… ты? — выдохнул он.

Джилл остановилась прямо перед ним. Так близко, что изо рта у него шёл пар и оседал инеем у неё на ресницах.

Кто ты. Так спрашивала старуха. В подвале. Перед тем, как умереть.

— Та, кого вы забыли связать, — сказала Джилл.

Пробуждение Древнего Змея

Джилл прошла мимо Святого Отца, как мимо столба. Он попытался поднять посох, ударить её в спину, но ледяная корка держала его ноги крепко, и посох только царапнул по доскам.

Джилл подошла к брату.

Верёвки на его запястьях были затянуты так туго, что руки посинели и распухли. Она тронула узел пальцами. Верёвка побелела, стала ломкой, как старый лёд, и рассыпалась.

Джек растёр запястья. Посмотрел на сестру. На её спокойное лицо. На иней на ресницах.

— Ты долго, — сказал он хрипло.

— В следующий раз выбирай таверну получше.

Джек слабо усмехнулся. Потом усмешка сошла.

— Джилл. Там, у ямы. Женщина с ребёнком.

— Я видела.

— Ребёнок, Джилл.

— Я видела, — повторила Джилл ровно. — Я не могла выбирать. Он пил их всех. Он был голодный.

Джек молчал. Под рёбрами у него было тихо. Сыто. Холодное лежало, свернувшись, и мурлыкало.

— Одного я не тронула, — сказала Джилл вдруг. — Там, на улице. Ребёнок плакал за ставнями. Я его не тронула.

— Почему?

Джилл пожала плечами.

— Он плакал, как я в подвале.

Джек хотел что-то сказать. И не сказал. Он просто взял её за руку. Ледяную, как всегда. И сжал.

Джилл перешла к Капитану и освободила его так же. Капитан пришёл в себя, пока она рвала верёвки. Он поднял тяжёлую голову, мутными глазами обвёл площадь. Ледяной лес. Сотни белых фигур в свете догорающих факелов.

Он долго смотрел. Потом посмотрел на Джилл.

Джек видел этот взгляд. Так смотрят люди, которые когда-то жгли ведьм и думали, что очищают мир. И вдруг увидели настоящую.

Капитан ничего не сказал. Он молча растирал запястья.

* * *

Потом огляделся. Ни меча, ни доспехов, ни плаща.

— Моё оружие забрали.

Джилл протянула руку. Морозный туман вокруг неё сгустился, стянулся к ладони, и из него медленно сложился клинок. Длинный, прямой, ледяной, прозрачный, с плотной матовой рукоятью и тонкой, как волос, кромкой. Внутри клинка, если присмотреться, бежали тонкие белые жилки, как в мраморе.

Она протянула его Капитану.

Капитан помедлил. Потом взял. Взвесил в руке. Рукоять была холодная, но не жгла. Сделал короткий пробный взмах. Клинок свистнул в воздухе.

— Сойдёт, — сказал он.

— Он не растает? — спросил Джек.

— Пока я не захочу, не растает, — сказала Джилл.

Капитан посмотрел на клинок. Потом на неё.

— А если захочешь, пока он у меня в руке? — спросил он.

— Не захочу, — сказала Джилл. — Ты нас не сжёг. Тогда, у дома. Ты мог.

Капитан помолчал. И вдруг кивнул ей коротко, как кивают равному.

За их спинами раздался хриплый голос.

* * *

Святой Отец поднял змеиный посох над головой и быстро забормотал что-то на языке, которого никто из них не знал. Гортанном, тяжёлом. Джек узнал этот язык. Он слышал его в комнате с алтарём. Слова перекатывались, как камни в реке.

Под помостом задребезжали медные чаши. Из щелей между камнями поднялась пыль. Из ямы перед помостом потянуло холодом и гнилью, и оттуда, снизу, из темноты, донёсся звук. Шорох. Долгий, тяжёлый, бесконечный. Будто по камню волокли огромный мешок.

— Вы осквернили священную землю! — закричал Святой Отец. Голос у него сорвался на визг. — Вы убили его детей! Он придёт за вами! Он проглотит вас живьём! Он уже идёт! Хвала Змею!

Капитан развернулся.

Святой Отец ударил посохом о камень. Глубоко под площадью что-то загудело. Низко, тяжело, так, что задрожали доски помоста, и ледяные фигуры на площади звякнули, как бокалы на столе.

Капитан бросился к нему. Ледяной клинок вошёл Святому Отцу в грудь. Тот охнул, удивлённо, как охают старики, когда спотыкаются. Выронил посох. Упал на помост. Капюшон слетел. Под ним было обычное лицо, старое, морщинистое, и рот раскрыт, будто он хотел спеть ещё что-то.

Иней пошёл от раны по его груди. Святой Отец застыл. Белый. Как все.

И внутри у Джилл сделался ещё один глоток. Последний. Горький.

Гул не прекратился.

* * *

Камни площади начали трескаться.

Трещина пошла от ступеней церкви к центру площади, широкая, как канава. Деревянные перила вокруг ямы повалились. Две ледяные фигуры, стоявшие на краю, качнулись, упали в яму и разбились внизу со звоном.

Из ямы поднялось что-то чёрное и огромное.

На мостовую тяжело легла петля змеиного тела. Толщиной с бочку. Чешуя на ней была чёрная, каждая чешуйка с ладонь, и блестела в свете пожаров, как мокрый уголь. За первой петлёй легла вторая. Третья. Змей всё выползал и выползал из-под земли, и конца ему не было.

А потом над крышами разрушенных домов медленно поднялась голова.

Она была размером с телегу. С двумя жёлтыми глазами, огромными, как тележные колёса, с узкими вертикальными зрачками. Глаза смотрели прямо на них троих. Не мигая.

Змей раскрыл пасть. Показались длинные изогнутые клыки, жёлтые, как старая кость. Между ними выскользнул раздвоенный язык, чёрный, длиной в человеческий рост, и задрожал в холодном воздухе, пробуя его на вкус.

Змей заревел. От рёва на площади посыпались остатки стёкол, и с десяток ледяных фигур треснули и рассыпались в белую крошку.

— Ну и мерзость, — сказал Джек.

— Это его кормили, — сказала Джилл. — Всех, кто приходил в деревню. Всех бродяг. Он их ел.

— Сколько лет?

Джилл посмотрела на огромное тело, которое всё никак не кончалось.

— Много.

* * *

Нападать сразу змей не стал. Он медленно поводил головой, разглядывая их по очереди. Джека. Джилл. Капитана. Язык то и дело высовывался и пробовал воздух. На Джилл он задер-

жался дольше всех. Язык задрожал, и змей зашипел. Тихо, неуверенно. Будто учуял что-то, что ему не понравилось.

Будто учуял того, кто жил у неё в груди.

— Он тебя боится, — сказал Джек.

— Не меня, — сказала Джилл.

Джек шагнул вперёд. Под рёбрами у него проснулось холодное. Сытое, довольное, весёлое.

«Ну, — сказало оно. — Покажи ему. Это же змей. А змей был на стенах в той комнате. Помнишь? Сожги его. За неё. За алтарь».

— Эй, ты! — крикнул Джек змею. — Червяк переросток! Я здесь!

Змей ударил.

Он ударил так быстро, что Джек даже не успел испугаться. Огромная голова метнулась вперёд, как камень из пращи. Джилл резко развела руки, и перед ними из мостовой выросла стена льда, толстая, в человеческий рост. Голова змея врезалась в неё. Лёд пошёл трещинами с грохотом, как ломается река весной.

Джек выставил ладони, и поток огня ударил змею в морду. Прямо в глаза. Змей отшатнулся, зашипел, забился, свиваясь кольцами между разрушенными домами. Запахло палёной чешуёй.

Джек засмеялся.

* * *

Это змея разозлило.

Огромное тело пошло по деревне напролом. Ломались срубы, как спичечные коробки. Падали каменные стены. Переворачивались телеги. Хвост ударил по церковной колокольне, и сверху на площадь посыпались камни, и колокол упал и покатился, гудя, по мостовой, давя ледяные фигуры.

Джек и Джилл отступали между горящих обломков. Змей кинулся прямо на них. Джилл подняла ещё одну стену. Он разбил её одним ударом головы, как разбивают тонкий ледок на луже. Крупные куски льда полетели во все стороны.

— Джилл!

Джек схватил сестру за руку и оттащил в сторону, туда, где не падали камни. Голова змея ударила туда, где она только что стояла, и в мостовой осталась яма.

— Он слишком большой! — крикнул Джек. — Я его не прожгу! Чешуя толстая!

— Внутри не толстая, — сказала Джилл.

— Что?

— Внутри. В пасти. Внутри у всех не толстая.

* * *

Капитан видел, что змей не замечает его совсем. Всё внимание чудовища было на брате и сестре. На огне и льде. На том, что пахло для него опасностью.

Он вскарабкался на обломок каменной стены.

— Эй! — заорал он. — Сюда, тварь! Сюда! Я здесь!

И рубанул ледяным клинком по чешуе.

Клинок не сломался. Он вошёл между чешуйками, как нож в масло, и из раны брызнула тёмная, почти чёрная кровь. Змей взвыл и резко повернул голову.

Капитан спрыгнул и побежал. Перепрыгивая с камня на камень, с обломка на обломок, через горящие балки, через застывших людей. Уводя змея за собой, подальше от близнецов. Челюсти сомкнулись там, где он стоял мгновение назад, и на зубах осталась его рубаха, клок рукава. Капитан перекатился под обгорелую балку. Змей полз за ним, круша всё на пути.

— Он его съест! — крикнул Джек.

— Нет, — сказала Джилл. — Он нам время даёт.

* * *

Джилл опустилась на одно колено и прижала обе ладони к обледеневшей мостовой.

Она закрыла глаза. И позвала. Не того, кто жил у неё в груди. Себя. Тот холод, который Элиза учила её держать, как вожжи. Не бить. Вести.

От её рук побежали глубокие трещины. Земля под площадью застонала. И из неё вырвались ледяные цепи. Толстые, в руку толщиной, прозрачные, звенящие, с тяжёлыми звеньями, как у тех цепей, которыми солдаты хотели сковать их в доме Элизы.

Первая цепь обвила змею туловище. Вторая захлестнула шею. Третья стянула кольца хвоста. Четвёртая. Пятая.

Змей бился. Он разносил мостовую в крошку, крушил дома, рвал звенья. Цепи лопались, и Джилл тут же выращивала новые. Она стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони. У неё побелели губы. По лицу побежали тонкие ледяные дорожки, и Джек не понял сразу, что это. Пот. Пот, который замерзал, не успев скатиться.

— Джек, — сказала она сквозь зубы. — Сейчас.

* * *

Змей извивался в ледяных путах. Капитан забрался на разбитую колонну у самой его головы, поднял клинок и замахал им.

— Сюда! Сюда, тварь! Вот он я!

Змей вскинул голову к нему. И широко раскрыл пасть, чтобы проглотить.

— Джек! — крикнул Капитан. — Бей!

Джек вышел из-за обломков.

Огонь разгорелся вокруг его ладоней. Сначала с орех, как учила Элиза. Потом с яблоко. Потом с голову. Потом выше, выше, до локтей, до плеч, и рубаха на нём задымилась.

Под рёбрами холодное поднялось во весь рост и раскинуло руки.

«Да. Да! Наконец-то. Всё. Отдай ему всё. Всё, что есть. Не держи. Зачем держать? Держать — это для слабых. Жги!»

Джек сделал шаг вперёд. Потом второй.

Где-то совсем далеко, на самом дне, тихий голос Элизы сказал: «Настоящая сила не в том, чтобы сжечь».

Но Элизы не было. Элиза ушла. А змей был. И Джилл с белыми губами. И Капитан на колонне, у самой раскрытой пасти.

И Джек ударил всем, что у него было, прямо в раскрытую пасть.

* * *

Пламя ушло внутрь змея.

Ревущее, золотое, белое в середине, как солнце в полдень. Оно ушло в пасть, в горло, в огромное тёмное нутро, и змей на миг засветился изнутри. Сквозь чешую. Как фонарь из тыквы, в который поставили свечу.

Змей выгнулся дугой. Ледяные цепи натянулись и заскрипели. Джилл вскрикнула, тонко, и упала на колени. Огромное тело содрогнулось ещё раз, ещё. И обмякло.

Голова рухнула на мостовую. Прямо у колонны, на которой стоял Капитан. Из пасти шёл дым.

Древний Змей больше не двигался.

Джек стоял над ним, и огонь ещё лился из его ладоней, и он смеялся. Он не мог остановиться. Огонь лился, и он смеялся, и холодное внутри смеялось вместе с ним.

— Джек, — позвала Джилл с колен. — Джек. Хватит. Пойдём домой.

Те же самые слова. Как в деревне Элизы.

Только теперь у них не было дома.

Огонь погас.

* * *

Над площадью стоял дым.

Внизу лежало гигантское тело, чёрное, дымящееся, длинное, через всю площадь, через полдеревни. Вокруг были развалины. Горящие балки. Улицы подо льдом. Огонь пожаров отражался в ледяных фигурах, которые так и стояли там, где их застала Джилл. Сотни. Красные отсветы бегали по ним, и казалось, что они шевелятся.

Церковная башня затрещала и обрушилась. Огромное полотнище со змеёй сорвалось со стены, медленно, как падает лист с дерева, и упало в огонь. Змея на нём вспыхнула, скорчилась и сгорела.

Трое стояли среди руин. Капитан опустил ледяной клинок. Джилл разжала пальцы, и ледяные цепи покрылись трещинами и осыпались звенящим дождём.

Джек смотрел на мёртвого змея.

— Всё кончено? — спросил он.

Капитан оглядел горящую деревню. Ледяной лес. Женщину с ребёнком у ямы.

— Здесь — да, — сказал он.

— Их можно… — Джек кивнул на ледяные фигуры. — Джилл. Их можно разморозить?

— Нет, — сказала Джилл.

— Совсем?

— Совсем. Их больше нет. Он их выпил.

Джек отвернулся. Его вырвало. Прямо на мостовую, на лёд, между двумя застывшими мужиками с вилами. Он стоял, согнувшись, держась за колени, и его рвало, и он не мог остановиться. Хотя под рёбрами ему было хорошо. Сыто. Спокойно.

От этого его рвало ещё сильнее.

Капитан подошёл к Джилл. Встал рядом. Долго молчал.

— Я жёг ведьм за меньшее, — сказал он наконец.

— Я знаю, — сказала Джилл. — Ты говорил.

— За много меньшее. За травы. За кошку в доме. За то, что у соседской коровы пропало молоко.

— И что теперь? Сожжёшь меня?

Капитан посмотрел на ледяной клинок у себя в руке. Клинок, который она для него сделала. Который спас ему жизнь.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты пришла за нами. Одна. Через всю деревню. — Он помолчал. — И потому что я больше не знаю, кто из нас чудовище, девочка. Они кормили змея людьми. Сотни лет. Улыбались, наливали эль и отправляли людей в яму. А ты…

Он не договорил.

— А я выпила их всех, — сказала Джилл.

— Да, — сказал Капитан. — И это тоже.

Он воткнул ледяной клинок в мостовую. Клинок стоял, прозрачный, и в нём отражался огонь.

— Можешь оставить себе, — сказала Джилл. — Он не растает.

Капитан посмотрел на клинок. Потом выдернул его из камня. И оставил.

* * *

К рассвету небо над горами посветлело.

Трое выехали из деревни. Лошадей они нашли в конюшне при таверне, целых и испуганных. Лошади храпели и косили глазами на ледяные фигуры, мимо которых их вели. Хозяйка таверны сидела в грязи на том же месте, где её оставила Джилл, прижимая к груди белую руку. Она не подняла головы.

Позади поднимались столбы дыма. Джек один раз обернулся.

В одном доме на краю деревни, в маленьком, с вырезанной на двери змейкой, приоткрылась ставня. Из щели выглянуло детское лицо. Посмотрело им вслед. И скрылось.

Джилл тоже это видела. Ничего не сказала. Только поправила на плечах синюю шаль.

У развилки Капитан остановил коня возле старого дорожного указателя. На почерневшей доске было вырезано:

ЛЕС ЗАБЫТЫХ ИМЁН

За указателем начиналась узкая тропа и уходила в туман.

Капитан посмотрел на брата и сестру.

— Дальше дороги не будет.

— Значит, найдём свою, — сказал Джек.

Голос у него был сиплый, лицо серое. Он не спал всю ночь. Он всю ночь смотрел на свои руки.

Джилл первой направила лошадь на тропу. Джек поехал за ней. Капитан замыкал. Ледяной клинок висел у него на поясе, там, где раньше висел меч.

* * *

Они въехали в лес. Стволы здесь были высокие и уходили вверх, в туман, так что не видно было крон. Ветер качал сухие ветки, и ветки стучали друг о друга, как кости.

Далеко впереди, за бескрайним лесом, поднимались горы. А среди скал, если очень постараться, можно было разглядеть тёмный силуэт. Башня Хранителей.

— Джилл, — тихо сказал Джек, когда Капитан отъехал вперёд. — Тебе было хорошо? Там, на площади? Когда он их пил?

Джилл долго ехала молча.

— Да, — сказала она наконец. Честно, как всегда. — Мне было хорошо.

— Мне тоже, — сказал Джек. — Когда змей горел.

— Я знаю.

— Это плохо?

— Не знаю, — сказала Джилл. — Элиза бы знала.

Она достала из сумки деревянную утку. Подержала в руках. Убрала обратно.

На рассвете они оставили проклятую деревню позади. Впереди был Лес Забытых Имён, за ним горы и Башня, в которой, может быть, знали, откуда берутся чудовища, кем были Хранители и что случилось с Элизой. Чего ждать на этой дороге, никто из троих не знал. Но в деревню они въехали попутчиками, а уехали из неё союзниками. Цену этого союза каждому из них ещё предстояло узнать.

А тот, кто жил у близнецов под рёбрами, лежал сытый и довольный. Он хорошо поел этой ночью. Лучше, чем за все шесть лет у Элизы. Он думал о том, что Элиза была ему очень невыгодна. И что хорошо, что она ушла.

Он вообще много о чём думал. Но об этом пока рано рассказывать.

Глава 5. Лес Забытых Имён

Есть на свете вещи, которые кажутся совсем пустяковыми, пока они у тебя есть. Ложка, например. Или старые башмаки. Или имя.

Имя вообще самая незаметная вещь на свете. Его не надо носить в кармане, оно не рвётся и не теряется. Тебя зовут, и ты оборачиваешься, вот и всё. Никто не думает о своём имени, как никто не думает о собственной тени в солнечный день. А между тем имя держит человека так же крепко, как корни держат дерево. Вырви корни, и дерево упадёт. Забери у человека имя, и от него останется только тень. И даже тень потом потеряется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.